

К Р О К О Л И Л

СПЕЦИАЛЬНЫЕ
№
28-29
ЦИРКОВОЙ

В ФАШИСТСКОМ ЦИРКЕ

— За что его арестовали?

— За прим. У нас в Берлине на однолицо столько муки не полагается.

Рис. Л. Бродаты

НА МНОГО ЛИЦ

Уважаемый товарищ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы приглашаетесь посетить зала-представление цирка „Крокодила“ (№ 28—29), составленное по следующей программе:

ИНОСТРАННЫЕ НОМЕРА

АРИЙСКИЕ КЛОУНЫ—Адольф и Розенберг.
ЖОНГЛЕРЫ НА САБЛЯХ— японский ансамбль А-Вра-Ки.
ФИГУРНЫЕ ТАНЦЫ НА СОБСТВЕННОМ ВУЛКАНЕ—польский ансамбль.
СОЛО НА УТКЕ—американские газетные Херст-акробаты.
ИНАРИЙСКИЕ ИГРЫ—ансамбль греческих монархистов—эксцентриков—переворотчиков.
ДИКАРИ-ЛАПУАСЫ—финские наездники-любители.
ФЕЕРИЯ-ПАНТОМИМА— в составе лучших германских артистов под названием: „Мама, мама, что мы будем делать, когда наступят зимни холода?“

СРЕДИ СОВЕТСКИХ НОМЕРОВ

Ораторы у ковра
 Канатоходцы по учреждениям
 Растратчики-моменталисты
 Вольтижировка на неоседланном трамвае
 Дрессированные самокритики и целый ряд других мелких и крупных актеров из Москвы и с периферии

В случае болезни артиста или лошади дирекция оставляет за собой право тоже захворать.

Дети до шестнадцати лет в цирк допускаются. После шестнадцати — тоже.

Начало ровно в момент получения этого номера.

ДИРЕКТОР ЦИРКА „Крокодил“

ЦИРКОВОЙ СПРАВОЧНИК

Нижне читатель найдет список специальных цирковых терминов, встречающихся в дальнейшем тексте номера, а также объяснение их применительно к цирку, политике, экономике и быту.

АНТРЕ — выход. Как выход из положения, если за ним не следует хорошего циркового номера, служить не может.

БАЛАНС на лошади — путанный и громоздкий отчет дефицитного учреждения, который приходится переводить на подводе.

ОБРУЧ — простейший прибор для вкладывания в тигровые пасти. Заменяет в хозрасчетных цирках сложную аппаратуру.

ПАРТЕРНЫЕ АКРОБАТЫ — зрители, бегущие за калошами в конце третьего акта.

РЕПРИЗА — короткая цирковая острота, рассчитанная на нетребовательного слушателя. Например: хейль!

ДРЕССИРОВАННЫЕ МОРЖИ — северные звери, приученные катать шары и молчать об отсутствии новых цирковых программ.

ЖОНГЛЕРЫ — люди, перебрасывающиеся завалившимся товаром. Кооператоры на Союзвхлопкосбыта.

ЗУБНОЙ АКТ — двухчасовое ожидание приема в зуболечебнице.

ЛОППИНГ-ДЕ-ЛОП — мертвая петля. При фашистском строе заменяет конституцию.

МЕЛАНЖ-АКТ — смешанный номер, состоящий из нескольких жанров. Например американский храм с обеднями и фокстротами.

Н — буква, на которую нет ни одного циркового термина. Сохраняем ее просто для порядка.

САЛОННЫЙ АКРОБАТ — вполне воспитанный акробат.

ТРАПЕЦИЯ — прибор для висения вниз головой. В семье и учреждениях не применяется за ненужностью.

УНИФОРМА — одинаковый костюм для актеров цирка. В театре имеется тоже — например примятая кепка для положительных типов и хорошо выплаженная шляпа — для отрицательных.

ШАПИТО — летний цирк. Отличается от зимнего тем, что и там и здесь одинаково плохая программа.

ЭКСЦЕНТРИК — комический номер. Например номер ежемесячного журнала, весь заколоченный продолжениями романов.

ЯПОНСКИЙ АКРОБАТ — см. последние телеграммы в сегодняшних газетах.

Рис. М. Храпковского

П е р в ы е ш а г и

Техника у нас шагнула на очень большую высоту.

Технические достижения уже перестали публику удивлять.

Однако случаются некоторые факты, которые поражают своим величием. Они поражают своей неожиданностью.

Еще десять лет назад, казалось бы, ничего подобного не могло быть на страницах нашей жизни. А сейчас это уже бытовой факт, дающий реальную пользу населению.

Короче говоря, вот что недавно произошло у нас в Ленинграде.

Один московский работник кинематографии прибыл в Ленинград по делам службы.

И он остановился в гостинице «Европа».

Прекрасный, уютный номер. Две постели. Ванна. Ковры. Картинки. Все это, так сказать, располагало нашего приезжего видеть людей и приятно проводить время.

В общем, к нему стали заходить друзья и приятели.

И как это всегда бывает, некоторые из его приятелей, приходя, принимали ванну. Поскольку многие живут в квартирах, где нет ванн. А в баню ходить многие, конечно, не так-то любят и вообще забывают об этой бытовой процедуре. А тут такой удобный случай: зашел к приятелю, поболтал, пофилософствовал и тут же помылся. Тем более тут горячая вода. Казенная простынка и так далее.

И многие, конечно, через это любят, когда у них есть приезжие друзья.

Короче говоря, дней через пять наш приезжий москвич несколько даже утомился от подобной неуклонной линии своих друзей.

Но, конечно, крепился до самого последнего момента, когда, наконец, разыгралась катастрофа.

А к нему как-то вечером пришли почти что сразу шесть знакомых.

Тары да бары, и тут же среди гостей образовалась до этой ванны небольшая очередь.

Трое быстро помылись и, попив чайку, ушли.

Но четвертая была старая дама. Родственница приезжего. И та мылась исключительно долго. И даже, кажется, что-то стирала из своего гардероба.

И до того она там долго возилась, что москвич и дождавшиеся просто захандрили. Она час с четвертью не выходила из ванны.

Но поскольку она была родная тетка нашего москвича, то он и не разрешил своим друзьям никаких эксцессов по ее адресу.

Короче говоря, когда она вышла, было уже далеко за полночь.

Один из приятелей не стал больше ждать. А другой, удивительно настойчивый и нахальный, все-таки во что бы то ни стало пожелал непременно сегодня вымыться, чтоб ему завтра быть чистым.

И вот он дождался теткингого выхода. Вымыл ванну. И пустил горячую воду.

Но тут как-то случилось, что от сильного утомления он заснул. И москвич вдобавок задремал на диване.

А вода, наполнив ванну, вышла наружу и в короткое время затопила номер и даже протекла в другой этаж. Но поскольку в нижнем этаже была гостиная и там никого не было, то катастрофу не сразу заметили.

Короче говоря, наши два приятеля проснулись от сильного тепла и пара. Причем москвичу, как он после рассказывал, снился сон, что он в Гаграх.

Но когда он проснулся, то увидел, что весь номер в воде и поверх плавают туфли, газеты и разные деревянные изделия.

Горячая вода не позволила, конечно, сразу прекратить наводнение, поскольку они не решились добежать до ванны, чтоб закрыть кран.

Но потом, кое-как передвигая стулья, перетрусивший приятель москвича добрался до ванны и закрыл кран.

И только они закрыли кран и вода стала куда-то утекать, как в номер вбегает администрация с побледневшими лицами.

Осмотрев ванну и нижний этаж, администрация совместно с прибывшим инженером стала о чем-то совещаться.

А среди наших друзей завязался тяжелый спор: кто виноват и кому платить убытки.

Приятель москвича, еле дыша от страха, сказал, что рублей сорок он как-нибудь покроет, но все, что свыше, пусть оплачивает владелец номера, который легкомысленно допускал мыться посторонних.

Тут между ними завязался спор, который мог бы кончиться печально, если б рядом не было администрации.

Москвич дрожащим голосом говорит администраторам:

— А скажите, на какую сумму могут быть убытки?

Администрация говорит:

— Видите, внизу в гостиной размыло лепные украшения: одну крупную фигуру и трех херувимов. Так что это сильно увеличит расходы.

Услышав о лепных украшениях и херувимах, приятель москвича буквально задрожал.

Москвич, с тоской взирая на администрацию, прошептал:

— А на... какую сумму... размыло... этих херувимов?

Инженер говорит:

— Тысчонок, мы так полагаем, семь—восемь.

Сумма эта совершенно подкосила силы москвича, и он прилег на диван, мало чего соображая.

А приятель его выказал себя с нехорошей стороны. Он поступил как подлец, пытаясь дать тигалю. Но был задержан слабой, но честной рукой приезжего.

Приезжий москвич, еще ворочая языком, говорит администрации:

— Тысчонок бы за две нельзя? В крайнем случае, пес с ними, с херувимами... Не такое сейчас время, чтоб платить за херувимов.

Администрация говорит:

— Да вы напрасно торгуетесь. Мы, кажется, с вас убытков не требуем.

Услышав эти слова, приятель москвича закрыл глаза, думая, что это сон.

Но администрация говорит:

— На вас мы не возлагаем никакой вины. Тут наш технический недосмотр. Мы плохо рассчитали утечку воды, и это наша техническая слабость.

Инженер тут же дает научное пояснение. Он говорит, показывая на ванну:

— Видите, тут наверху ванны имеется дырка, в которую вода должна утекать по мере наполнения ванны. И при научно правильном расчете вода не имеет права выйти за пре-

делы краев. Но тут мы выказали некоторую слабость, и дырка, как вы могли видеть, не успела поглотить текущую жидкость. Так что мы просим у вас извинения за причиненное беспокойство. В дальнейшем этого не будет. Мы исправим. Это технические неполадки.

Услышав эти слова, приятель москвича хотел упасть на колени, чтоб возблагодарить администрацию и судьбу, но приезжий не разрешил ему этого сделать.

Он сказал инженеру:

— Конечно, иначе не могло и быть. Но скажите, кто мне возместит убытки: у меня туфли промокли, и чемодан подмок, и, может быть, там что-нибудь испортилось благодаря вашей технической слабости.

Администрация говорит:

— Подайте заявление — мы возместим убытки.

На другой день москвич получил сорок шесть рублей за подмокший чемодан.

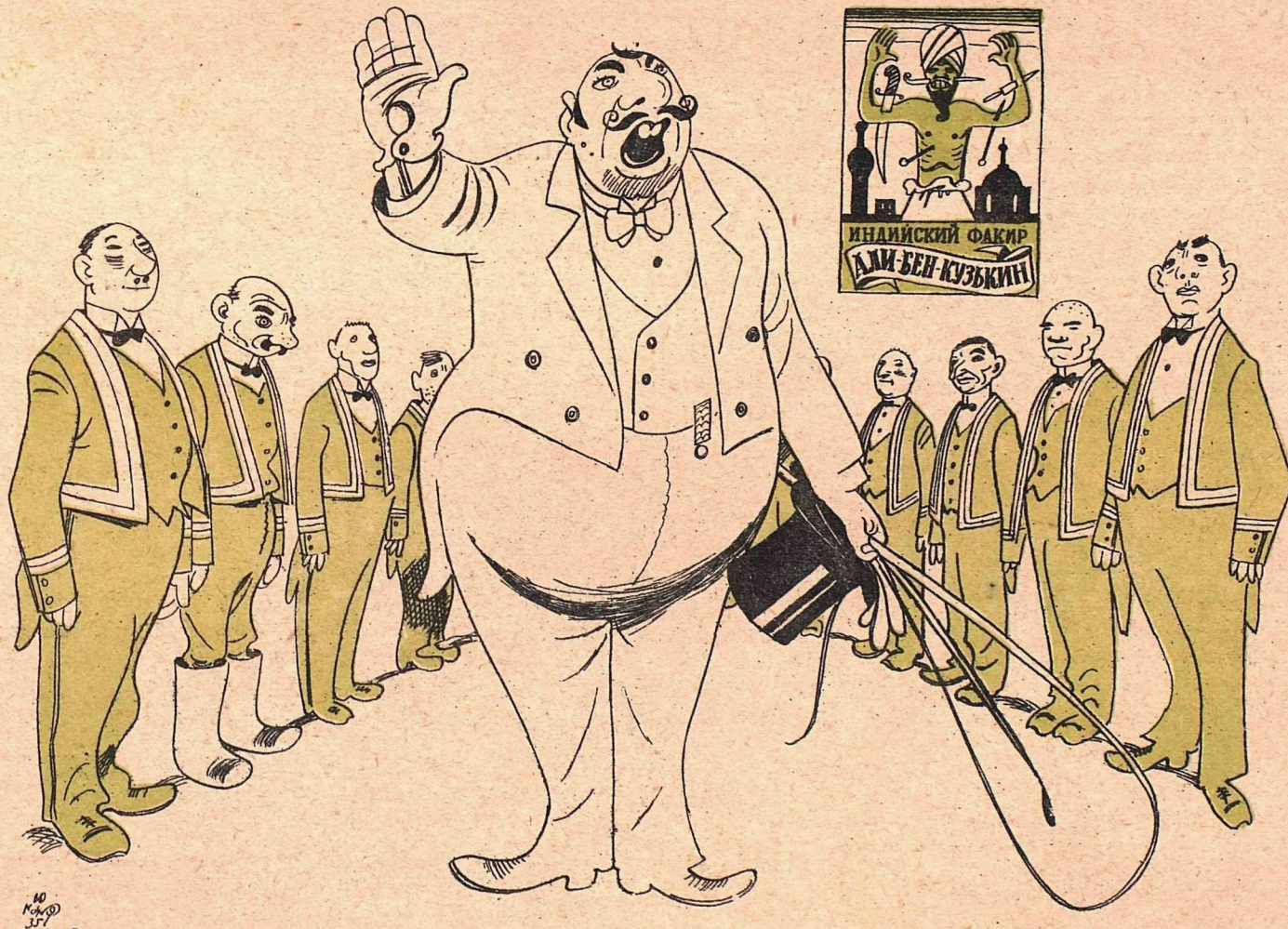
Приятель москвича тоже хотел воспользоваться случаем, чтоб собрать небольшую сумму за счет техники, но это ему сделать не удалось, так как он не имел права ночью находиться в чужом номере.

На другой день он все же пришел в гостиницу и там принял ванну, несмотря на то что москвич был этим крайне недоволен и даже рассердился.

Мих. ЗОЦЕНКО

НЕОСТОРОЖНЫЙ ФАКИР

Рис. Ю. Ганфа

— Граждане! Факир, который должен был сегодня выступать и резать себя, к сожалению, выступить сегодня не может. Он брился в парикмахерской — и его там немножко порезали.

ДОМАШНИЙ КЛОУН

Канчук в цирке не выступал, на арене не кувыркался, для увеселения публики кастрюлю вместо кепки не надевал. Коротко стриженный Канчук носил нормальный серенький костюм и нормальные черные штiblеты. И, вообще, кто не знал Канчука, мог принять его за незаметного профсоюзного работника, за малодаровитого хозяйственника, но отнюдь не за клоуна. А между тем Канчук был главным образом клоун. И вся его карьера, все его благополучие строились на том, что никто всерьез Канчука не принимал. На службе, в гостях это был неутомимый весельчак, остроумный забияка.

При встрече с начальством Канчук не произносил обычное «здравствуйте» или «добрый день». Нет. Канчук неожиданно останавливался, оскаливал и так слишком выдающиеся вперед зубки и гортанным голосом пел петухом «Ку-ка-ре-ку-ку».

— Не смешите, Канчук,— говорило, любезно улыбаясь, начальство.

На прощанье Канчук вытягивался на цыпочках, махал согнутыми ручками и тоненько лаял: «Гау-гау». Это означало: «До свиданья, будьте здоровы».

Канчук никогда не говорил, как все люди. Самые обыкновенные слова, самые обыкновенные вещи он обыгрывал. Чай он называл «чай-чаевич», хлеб—«гам-гам»... Если у него спрашивали: «Как вы живете, Канчук?», он, не задумываясь, отвечал: «Как верблюд!» Хотя в этом ничего смешного не было, но окружающие смеялись. Так как заранее ждали, что Канчук скажет что-нибудь необыкновенное...

Он говорил не «спасибо», а «спасибко», «мерсибко». Это тоже вызывало неудержимый смех. Классиков он цитировал по-своему. Например: «Скажи мне, детка Палестины», «И пыль веков от хари отряхнув»... Или спрашивал: «Вы читали Гоголя «Тарас Картофель»?»

На службе мишенью для своих шуток Канчук выбирал низкооплачиваемого сотрудника и не давал ему покоя.

— Здравствуйте,— встречал он приветливо свою жертву и протягивал руку.

И если низкооплачиваемый сотрудник спешил пожать руку врага, Канчук грозил ему пальцем и говорил: «Но-но!»

Все смеялись, а низкооплачиваемый сотрудник краснел и отходил в сторону. Иногда жертва Канчука, окончательно выведенная из терпения, ходила жаловаться. Напрасно.

— Зря вы обижаетесь,— говорили жалобщику.— Канчук — веселый, милый парень. Что вы, уж и пошутить нельзя!

Хотя этому парню шел четвертый десяток, выглядел он молодежко, и обижаться на него, действительно, не следовало. Канчук был трусоват. Стоило на него прикрикнуть: «Эй ты, Канчук!», как он немедленно строил смешную рожу, становился на колени и жалобно мяукал. Это означало: «Простите меня, больше не буду».

Бывало, когда надоедало начальству и начальство замечало: «Ну, катись, Канчук, надоел!», он буквально выкатывался из кабинета. Давясь от смеха, начальство вслед катящемуся Канчуку говорило: «Этот Канчук уморит кого угодно!»

Канчука любили приглашать на вечеринки. Скучно же! О, что он там выделывал! На следующий день только и говорили о проделках Канчука.

— Понимаете, мы просто все попадали от хохота... Понимаете, вдруг у всех на глазах берет Канчук обыкновенный селедочный хвост, макает в водку и сосет, сосет этот хвост без конца... Мы просто все подошли от смеха... А знаете, какой он тост произнес?

— Нет.

— Он сказал... это так смешно... я просто не могу передать... он сказал: «Я пью за прекрасный пол... посмотрел себе под ноги и добавил... за паркетный».

— Так и сказал?

— Ну да, так и сказал... Мы так все и прыснули... Понимаете, за паркетный... О, боже мой, откуда у него все это берется?... А когда подали заливное, он вдруг захрюкал... Но как захрюкал!.. Мы все так смеялись... Николай Петрович на что угрюм, и он так смеялся... Ну нельзя было не смеяться. Этот Канчук кого угодно рассмешит.

И только дома Канчук оставался самим собой. Он поздно ночью возвращался домой (Канчук всегда поздно возвращался домой), ему открывала дверь пожилая, некрасивая жена.

— Дети спят? — спрашивал он у нее шопотом.

— Спят,— отвечала жена.

— Согрей мне воду, Машенька,— просил он охрипшим голосом.— Сделай грелку.

Усталый, лежа в кровати с грелкой на животе, он вспоминал прошедший день и тяжело вздыхал.

— Как тяжело,— думал он,— все время смешить, балагурить. Но если не смешить, не балагурить... Я стану незаметным сотрудником, и при моих прочих качествах...

Кто знает?... И на вечеринки не будут звать. И запросто в кабинет начальства нельзя будет войти... Все будет иначе. Никому не нужный, незаметный сотрудник...

— Машенька,— зовут Канчук жену.— Я очень устал, Машенька... Почему ты молчишь?... Поговори со мной... По-человечески.

— По-человечески,— смеется жена,— ты всегда что-нибудь отутюжишь. По-человечески,— повторяет она, смеясь.— Тебе бы все шутить.

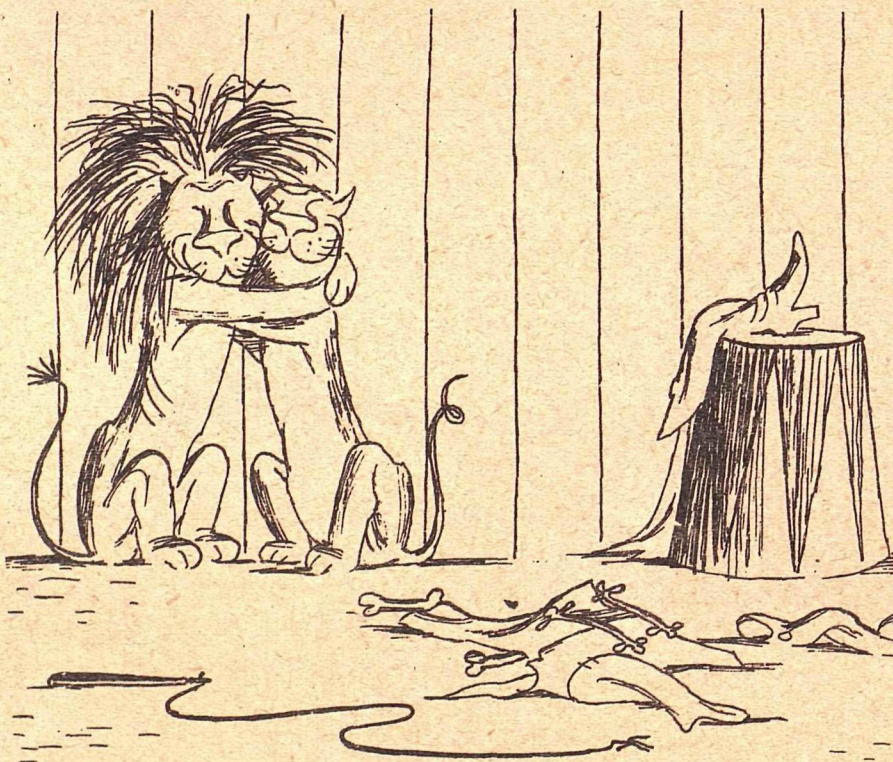
Канчук отворачивается от жены и засыпает.

А утром он вновь бодр и юн. Он быстро сбегает по лестнице и, встретив внизу председателя домоуправления, оживленно машет ему ручкой и приветственно лает: «Гау-гау».

День домашнего клоуна начался.

Б. ЛЕВИН

Рис. Л. Соифертиса

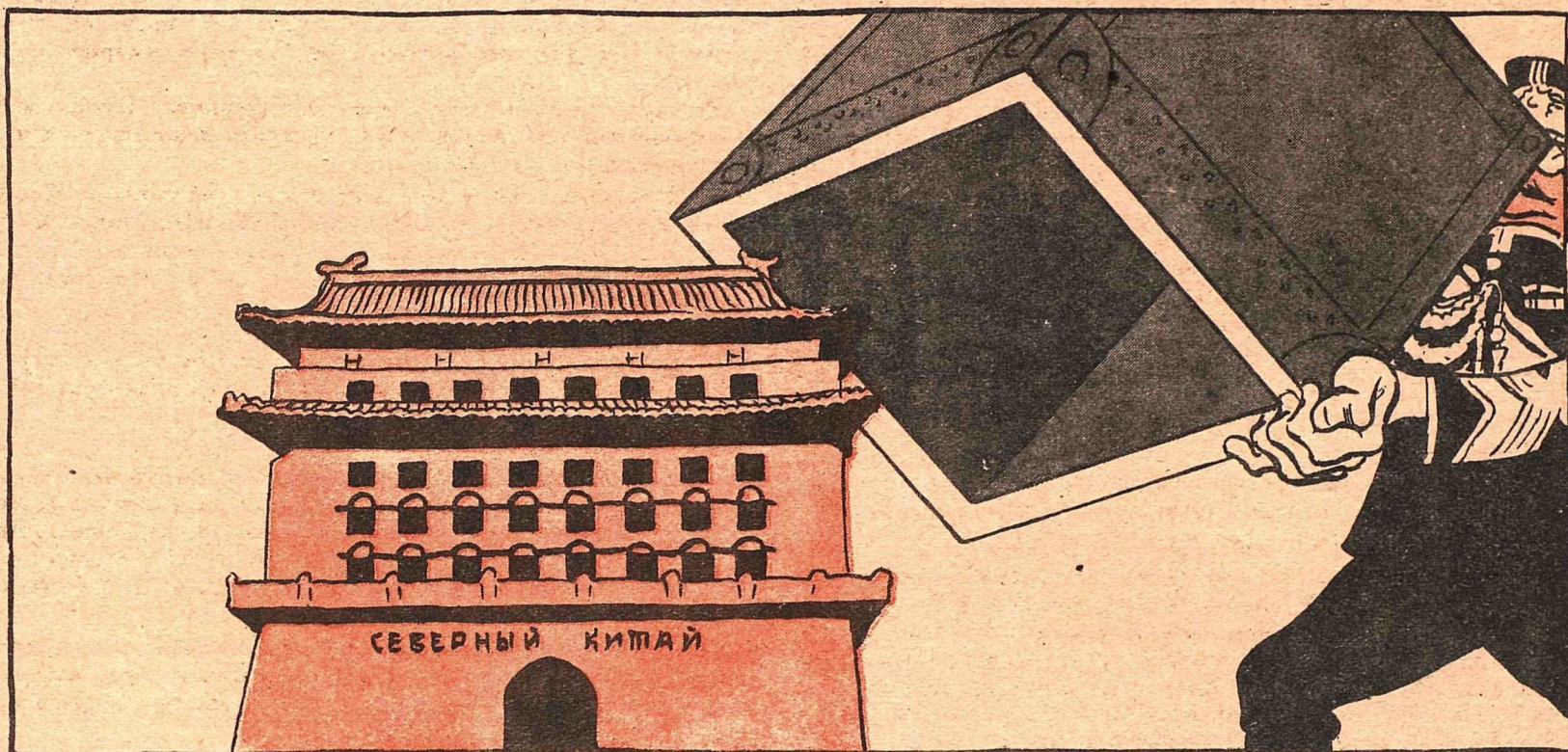

— Наконец, мы одни!

СЕВЕРОКИТАЙСКИЕ ФОКУСЫ

Рис. Бор. Ефимова

ЯПОНСКИЙ ФОКУСНИК: — Берем обыкновенную соседнюю страну, накрываем ее японским колпаком..

Бор. Ефимов - 35.

Эйн-цвей-дрей! Пожалуйста: Северо-Китай-Го.

Мвннаа

перестика

Третья империя.
Город Берлин.
Зоологический сад.
Малая Проарийская, угол Дубиновки, д. 6, клетка № 12.
Африканской львице мадемуазель Элеоноре.
(В собственные лапы).

Дорогая моя дочь Элеонора!

Вот уже прошло больше трех лет с тех пор, как я получил твое последнее письмо из Гамбурга от Гагенбека. Я ответил на него сию же минуту длинным и подробным описанием своей жизни и деятельности в СССР, но до сих пор от тебя ни слуху ни духу. Просто не знаю, что и подумать. Ведь ты всегда была такая примерная и внимательная девочка, так нежно любила своего старенького папочку... Неужели у тебя за эти годы очерствело сердце? Или, может быть, ты уже сохла? Но нет, нет... Я гоню от себя эти мрачные мысли. Один знакомый попугай, проездом из Берлина в Новосибирск, остановился на десять гастролой в московском госцирке. Он мне сказал, что видел тебя в Берлине и дал твой адрес. Птица очень серьезная, семейная, я думаю, ему вполне можно верить. Царапаю тебе по этому адресу. Дорогая моя деточка, умоляю, не поленись и нацарапай мне подробно о своем житье-бытье, а если у тебя мало времени или что-нибудь мешает, то возьми открытку и царапни хоть одну строчку: «жива, здорова» — и больше мне ничего не надо. Что касается меня, то я чувствую себя, несмотря на свои девятнадцать лет, еще вполне бодрым львом и много работаю в системе Гомэца — выступаю в цирке. Хотя я и иностранец и даже знатного происхождения, но отношение ко мне здесь самое лучшее. Кормят прекрасно, рычать заставляют редко, стреляют перед носом (чего я с детства терпеть не могу) только под выходной день — так что с этой стороны все обстоит благополучно.

Жизнь у нас в Москве очень многогранная, содержательная, бурная, веселая, интересная, глубоко-интеллектуальная.

Каждый день что-нибудь новенькое.

На днях, например, мы все (я имею в виду дрессированных животных из системы Гомэца) принимали участие в киносъемке большого художественного фильма «Цирк».

С утра нас всех повезли на Потылиху. Пусть тебя не пугает это странное слово — «Потылиха». Потылиха — это такое учреждение. Как бы тебе объяснить?... Видишь ли... Не знаю даже, с чего начать... Ты помнишь, Элеонорочка, когда ты была еще совсем маленькая, мы все втроем: я, ты и твоя покойная мамочка Регина — гастролировали в Лондоне. Так вот, может быть, ты помнишь — в Лондоне есть такой боль-

шой дом, в котором много сумасшедших людей. Этот дом называется Бедлам. Помнишь? Одним словом, наша московская Потылиха нечто вроде лондонского Бедлама, только, конечно, в десять раз больше и интереснее.

Нас, львов, везли на грузовиках, в клетках. А слон несмотря на свой преклонный возраст шел пешком, и у него на спине висела большая доска с надписью: «Я иду сниматься на Потылиху». Оказывается, на Потылихе это называется реклама.

О Элеонора! Ты не можешь себе представить, что это был за денек! Нас снимали!!!

Ослепительно сияли лампы. Прожектора били прямо в морду, наши усы дымились и обугливались на глазах у приглашенной публики. Все население Потылихи сбегалось смотреть на небывалое зрелище.

Мы издавали грозное рычание. Укротитель стрелял из пистолета. Обезьяна Мэри взобралась по канату под потолок и, вообразив, что она сидит на коксовой пальме, стала срывать большие электрические лампочки и бросать их вниз. Старик-слон проявил неслыханную предприимчивость: потихонечку проломив стену, он пробрался на задний двор и вырвал с корнем четыре небольших акации, специально посаженные здесь одним режиссером для съемки девственного леса (т. н. тайги). Страусы забрели в монтажную и до того нажрались пленки, что потом совершенно не могли сниматься, и до тех пор икали, пока сжалившиеся обитатели Потылихи не вымотали у них всю пленку обратно.

А так все, слава богу, благополучно.

Здесь культурно-просветительная работа среди цирковых дрессированных животных поставлена на должную высоту. Прекрасно обстоит дело с культурно-бытовым обслуживанием и повышением квалификации, чего, впрочем, нельзя сказать о людях, работающих на арене. Администрация Гомэца относится к ним спустя рукава, в деле культурного воспитания циркачей царит возмутительная уравниловка, самотек, расхлябанность. Но мы надеемся, что общественность поднимет свой авторитетный голос и в ближайшее время эти досадные упущения будут исправлены.

Ну, дорогая Элеонорочка, нежно тебя целую, будь здорова, не скучай... Звонит звонок. Сейчас мой выход. Вот уже отпирают клетку. Я слышу нетерпеливые аплодисменты организованного зрителя, снисходительной, добродушной советской публики. Сейчас я буду ездить вокруг манежа на толстой ленивой лошади Мурке, моей закадычной приятельнице.

Умоляю тебя, нацарапай мне большое, интересное письмо.

ВОЛШЕВНЫЙ СУНДУК

Рис. М. Храпковского

Нежно нюхаю твой загибок и ласково бью тебя хвостом по морде.

Твой папа, нубийский лев Цезарь.

Р. С. Пишут ли тебе дедушка Абас и бабушка Рафаэлла? Я не имею от них никаких сведений. Сообщи.

СССР.

Москва.

Гомэц.

Александр Морисовичу Дальману
для передачи льву Цезарю (в собственные когти).

Дорогой папочка!

Твое письмо дошло до меня буквально чудом. Дело в том, что все письма, идущие сюда из Москвы, почему-то пропадают. Наши теперешние хозяева, фашисты, слышать не могут слова «Москва», а при виде букв «СССР» с ними делается тяжелые припадки идиотизма. Живется мне ужасно плохо. Когда я прочла то место твоего письма, где ты пишешь, что сейчас будешь ездить верхом на толстой лошади,—у меня буквально слюнки потекли. Ох! Была б я на твоём месте! Давненько, очень давненько не пробовала я свеженькой лошадишки. У нас здесь об этом не может быть речи. Всю лошадину с'едают на корню люди, и дай бог, чтоб нам досталась какая-нибудь случайная подкова или пучок свежего лошадиного хвостика.

Ах, папочка, папочка! Зачем ты скрыл от меня тайну моего происхождения! На днях здесь, в зоологическом саду, была проверка происхождения. Показалось, что во мне течет половина неарийской крови. Оказывается, моя дорогая мамочка Регина была из Сирии, а это вблизи Палестины! О как я страдаю! Меня перевели в ужасающую клетку и кормят похлебкой из старых пулеметных лент. По ночам мне снятся толстые лошади и большие ленивые кошки.

Дорогой папочка! Царапаю тебе это письмо, и крупные слезы падают из глаз на мои когти.

Умоляю тебя, в следующий раз, когда ты будешь ездить верхом на этой толстухе, вспомни о своей единственной голодной дочери. Если тебе не удобно совершать по отношению к своей знакомой какой-нибудь босяцкой выходки, то хоть откуси у нее одну заднюю ногу и поскорее пришли мне.

Что касается нашего дорогого дедушки Абаса и бабушки Рафаэллы, то как раз несколько дней тому назад я имела от них очень грустное письмо. Они сейчас живут в горах, на даче, недалеко от Аддис-Абебы. Дедушка тяжело болен. Он недавно приехал с юга, где с'ел итальянского разведчика, и теперь у него чревовидный отросток засорился медными пуговицами, сделался острый аппендицит, и бабушка боится, что придется делать операцию. Хотя бабушка и дедушка живут до сих пор на воле, но в условиях Абиссинии это еще хуже, чем в неволе. Каждые пять минут с аэроплана падает громадная бомба и норовит попасть по голове. Жрать нечего, так как солдаты все пожрали, и вообще жизнь—не Версаль!

Прощай, дорогой папочка!

Чувствую, что не вынесу этой жизни и скоро околею. Уже вижу свою шкуру, гордо надетую на какого-нибудь местного двуногого осла, которые обожают этот маскарад.

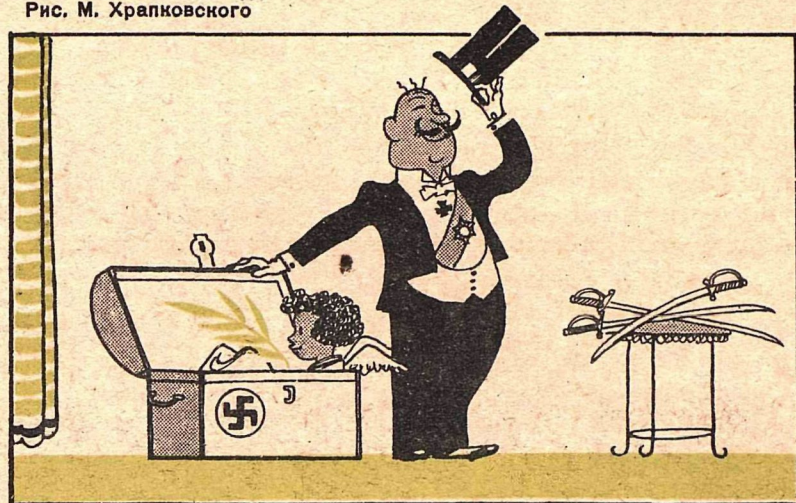
Папочка!

Умоляю: попроси своих начальников выписать меня в Москву, в Гомэц. Не дай погибнуть твоей маленькой Элеоноре.

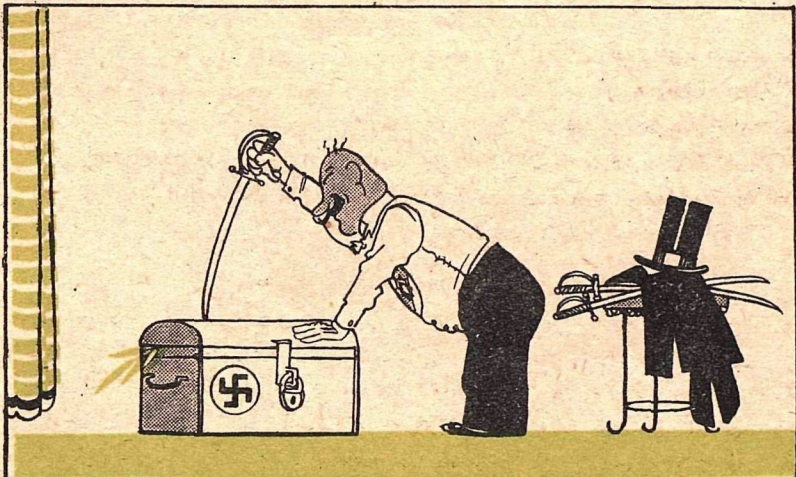
Целую твои лапы, прижимаю к груди твой царственный хвост.

Твоя несчастная дочь Элеонора.

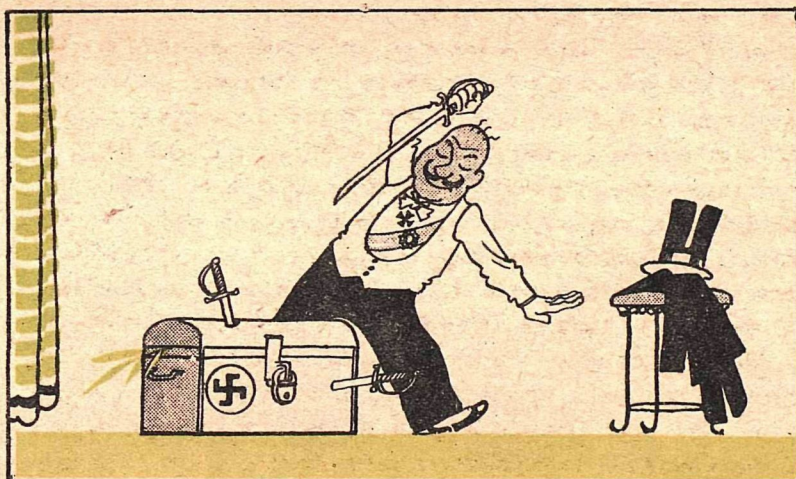
ВАЛЕНТИН КАТАЕВ

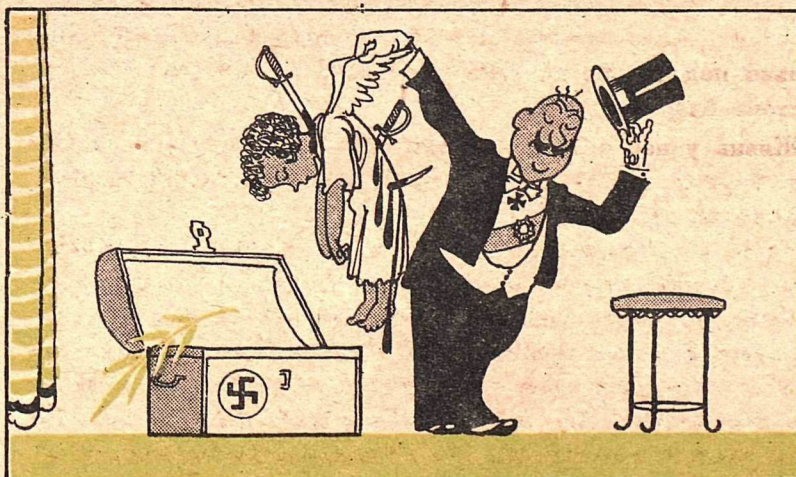
— Вот обыкновенный ангел мира...

— ...кладу его в сундук, закрываю на глазах у публики...

— ...прокалываю сундук...

— ...затем спокойно вынимаю ангела мира, абсолютно неповрежденного... Пардон! На этот раз фокус не удался!..

ИНОСТРАНЦ

Голубая фигура Жана Буше взметнулась от трапеции под самым куполом, ринулась вниз, и через несколько секунд сетка мягко и заботливо подкинула молодого акробата в воздух.

— Элля! — крикнул он, кланяясь публике. И навстречу его звонкому тенору партер и галерея бросили волну аплодисментов. Четыре раза еще выходил кланяться Жан Буше, а после четвертого вышел напудренный шталмейстер и деревянным голосом объявил:

— Антракт!

Ряды в партере пустели. Зрители шли в конюшни и в курилку.

— Европа! — завистливо произнес человек с большой бородой, в кепке и в зеленом галстуке. — У них каждый мускул куда надо пригнан. Разве наш так прыгнет? Либо пузом об сетку, либо ногой об воздух запнется.

— У них в самом нутре техника, — согласился зритель в рыжем пальто с рваным карманом. — Может, его с малолетства били, прежде чем прыгать начал. У них с этим строго. Заграница. А наш что? Ему семилетку кончать неохота — вот он и прыгает.

И они прошли за кулисы, перед только что прошмыгнувшими туда двумя школьницами в синих беретах. Одна — с толстой русой косой, другая — с черными веселыми кудряшками.

— Типичный Фербенкс, — взволнованно шептала коса. — И наверно влюблен в какую-нибудь ихнюю приезжую графиню.

— У них это нельзя, — сочувственно сказали кудряшки. — У графини муж и даст ему по морде. Акробаты влюбляются в наездниц.

Публика долго ходила по цирковой конюшне, мешала лошадям жевать овес и в упор рассматривала разгримированных актеров. Из боковой уборной вышел Жан Буше — в коричневом изящном пальто, в темной хорошо выглаженной шляпе и желтых, сверкающих глянец ботинках.

— Клаввчка, родненькая, — тихо пискнула коса, — ты же знаешь по-французски... Заговори...

Кудряшки густо покраснели и тонким голосом выдавили:

— Ву зет... француз?

— Вуй, — солидно ответил Жан Буше и пошел к выходу.

Когда он проходил мимо человека с зеленым галстуком, тот солидно откашлялся, мотнул бородой и почему-то произнес:

— Пардон.

— Вуй, — так же солидно произнес Жан Буше и вышел.

Он долго шел по плохо освещенным улицам и тихонько насвистывал, чему-то весело улыбаясь. В узеньком тупичке он остановился около маленького одноэтажного деревянного домика и постучал в освещенное окошко. Окошко раскрылось, в темноту высунулась старушечья голова в вязаном платке, и Жан Буше тихо сказал:

— Это я, мамаша. Откройте.

— Андрюшечка, — ласково и нежно запел старушечий

голос. — Иди, родненький, заждалась я тебя... Думала уж не придешь...

— Ну, что вы, мамаша, — улыбнулся акробат, входя в комнату. — Сама лепешки с творогом обещала, а вдруг — не приду. Спекла, старая?

— С хрустом, родненький. Как в детстве любил. Поджаристые. Кушай, золотко.

Через десять минут Жан Буше сидел за столом и с подчеркнутым аппетитом ел пресные и невкусные лепешки. Есть ему не хотелось, но мать такими радостными глазами смотрела за каждым куском, что акробат потянулся за третьей лепешкой.

— Кувыркаешься все, Андрюшенька? — грустно спросила она.

— Кувыркаюсь, мамаша. Ты не бойся. Привык.

— И жалованье аккуратно платят?

— Аккуратно, мамаша.

— Ну, и это хорошо, — печально пожевала старушка губами. — И за присылы тебе спасибо. Балуеть меня, старуху. Таким страхом жалованье зарабатываешь, а на меня, старую, тратишься...

— Хватает, мамаша, не беспокойся. Ты вот только что, — акробат немного замялся и виновато посмотрел на мать, — когда в цирк ко мне придешь, так по фамилии не спрашивай. А скажи так: где, мол, здесь Жан Буше. Поняла?

— Это что же такое будет?

— Фамилия моя теперь. Буше и еще Жан. Это, мамаша, для дела нужно. Ежели я, скажем, Андрей Савелкин — одна мне цена, а ежели я Буше — другая.

— Оно, конечно, — кивнула старуха. — Савелкин для представления не годится. Мелко. Поняла, Андрюшенька.

И вдруг с тихой тревогой, смахнув робкую слезинку, спросила:

— А как же ты по-ихнему объясняешься-то, Андрюшенька? Тяжело, поди?

— Да нет, мамаша. Ежели надо «да» сказать, говорю «вуй». А ежели наоборот — произношу «нон».

— Вуй, — протянула старушка и улыбнулась. — Чудеса!

Акробат зевнул и посмотрел на пальто.

— Пойду, мамаша. Спасибо за лепешки.

— А то, может, здесь переспшишь, Андрюшенька? — попросила мать. — Чего тебе в номера-то свои шлепать. Блохи еще там... Я тебе на диванчике уж постелила...

В номерах ждали товарищи. Уезжавший завтра укротитель устраивал ужин. Акробат вздохнул и с растяжкой сказал:

— Ладно, мамаша. Пересплю.

Он быстро разделся, лег, натянул на голову одеяло и, подогнув на неудобном диванчике ноги, уснул. Старушка потушила лампу, на цыпочках подошла к дивану, нежно поправила подушку и пошла закрывать окно.

— Марья Егоровна, — спросил чей-то голос снизу под окном, — к тебе сынок, говорят, прибыл? У тебя сейчас?

— Вуй, — гордо ответила мать. — Здеся.

Арк. БУХОВ

НЕРВЫ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ

Рис. Ю. Ганфа

Рассказ в шести рисунках о хладнокровном быке и нервном испанском капиталисте, не любящем красного.

НЕУДАЧНЫЙ ТРЮК

«Красный сормовец» вышел наднях с таким неожиданным трюком. Заметка, которая начинается «За последнее время в буфете столовой ухудшилось качество киселя», озаглавлена:

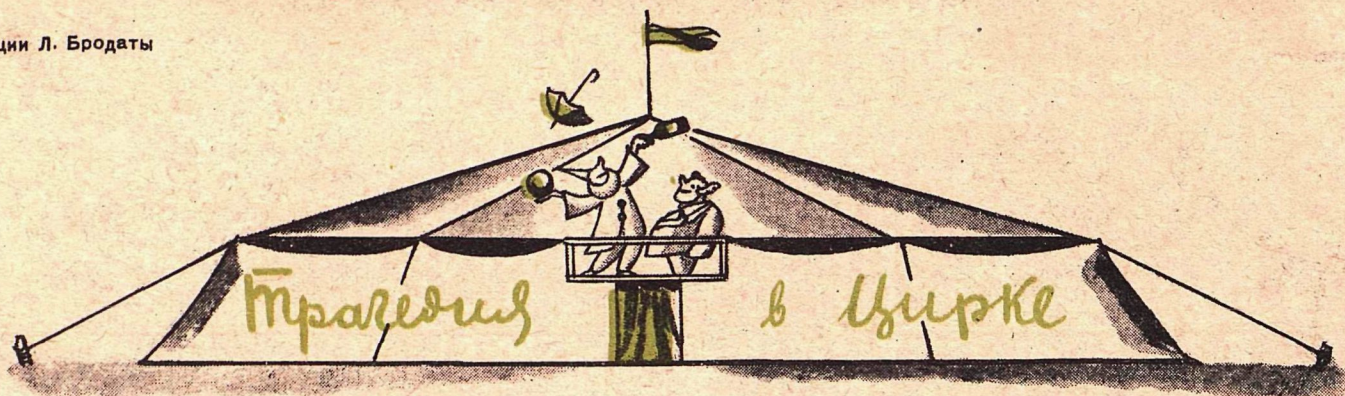
„ХОРОШЕЕ НАЧАЛО“

Заметка, в которой говорится, что «за последнее время в конторе деткомиссии проводится читка газеты», называется:

„УХУДШИЛОСЬ КАЧЕСТВО КИСЕЛЯ“

Жонглирование заголовками вообще не рекомендуется, но когда они еще попадают не на свое место, — это уже совсем из рук вон плохо.

1. У НИХ

Старый, желчный жонглер Угано отнял от лица гримировальный карандаш и в зеркало посмотрел на свою партнершу.

— Смотри, Лючия, — сказал он, — сегодня я опять видел, как ты стояла в конюшне с этим смазливый Базилио Стаканос из летающей четверки! Лучше не выводи меня из себя!..

Красавица Лючия промолчала, только лицо ее вспыхнуло внезапным румянцем...

«Эге, — злобно подумал Угано, — очевидно, дело зашло далеко, пора уже действовать!..»

Днем за кулисами цирка царит причудливый полумрак. Но вот в полутьму эту уверенной походкой прошел в рабочем трико Базилио Стаканос — красавец из труппы «Четыре летающих чорта».

Глухое рыканье, раздавшееся поблизости уборной Стаканоса, не тревожило его: подле уборной Стаканос в просторной своей клетке помещался берберийский лев «Цезарь». Все знали об этом.

Но никто не знал, что лев был не один. Сгорбленная фигура старого жонглера Угано, казалось, колдовала над клеткой хищника. Чуть-чутьбрякнул замок. Скрипнула дверца клетки... И старый Угано исчез, как бы растаяв во тьме...

Царственное животное подняло голову и приняло: сквозь полуоткрытую дверь уборной Стаканос до льва доносился лакомый и острый запах здорового человеческого пота. Гигантская кошка двинулась к раскрытой двери клетки...

— О-ла-ла! — раздался в этот момент веселый фальцет. — А что здесь делает мой кисанька?

Талантливый клоун Теодор, большой друг животных, по своей привычке принес льву кости после завтрака. Вдруг клоун увидел раскрытую дверь клетки... Захлопнуть ее и навесить на петлю замок было для него делом одной минуты... И только исполнив это, добродушный комик сказал:

— О, мой кис-кис, не советуй тебе выходить сьегодня на прогулять: погод не такой хорошь, ты замочить лапки! Откуда-то послышался звук, похожий на скрип зубов.

Под куполом, у самых окон, сквозь которые скупо просеивался свет, едва достигая галерки, поблескивали трапеции труппы Стаканос. Внезапно из-за ступеней винтовой лестницы вынырнул старый Угано.

— Проклятый клоун! — шептал он. — Кто его просил запираь льва?.. Ну, хорошо же! Посмотрим, выручат ли тебя теперь, красавчик Базилио!..

В руках Угано сверкнул напильник, и жалобно запищал перепиливаемый трос трапеции.

Выступление четверки Стаканос близилось к концу. Сейчас Базилио должен был делать завершающий все выступление перелет с одной трапеции на другую. Тревожно замолк оркестр. Сквозь дырочки в занавесе глядели на Базилио жонглер Угано и его партнерша Лючия, уже одетые и загримированные для своего выхода.

Послышалась дробь барабана. Базилио плавно отделился от трапеции, на которой стоял. Секунда — и ловкие руки акробата схватили перекладину другой трапеции...

Но что это?.. Один из тросов этой второй трапеции обрывается... Базилио, не ожидая толчка, теряет равновесие. Руки его разжимаются, и он падает... падает с высоты пятидесяти футов...

Общий стон в публике. Страшный женский вопль за кулисами... И вот уже товарищи выносят с арены ногами вперед безжизненное тело, которое минуту назад было таким упругим и ловким...

— Два Угано два — на манеж! — кричит шпехтальмейстер, едва улеглось волнение.

Старый Угано сбрасывает на руки униформы плащ, прикрывающий его блестящий костюм. Но что это с Люцией?..

— Я не могу... я не могу работать! — шепчет она, и на ее страдающем лице — слезы.

Шталмейстер сердито щелкает бичом.

— Без фокусов, мадам! Завтра — болейте сколько угодно. А сейчас — на манеж!..

Лючия покорно пудрит заплаканное лицо. Неестественная улыбка топорщит ее губы... Оркестр начинает бойкую польку...

А в глазах старого Угано злорадный блеск...

— На манеж! На манеж!..

2. У НАС

Старый, желчный жонглер Угано отнял от лица гримировальный карандаш и в зеркало посмотрел на свою партнершу:

— Смотри, Люська, — сказал он, — сегодня ты опять стояла в конюшне с Васькой Стаканос! Мне это не нравится.

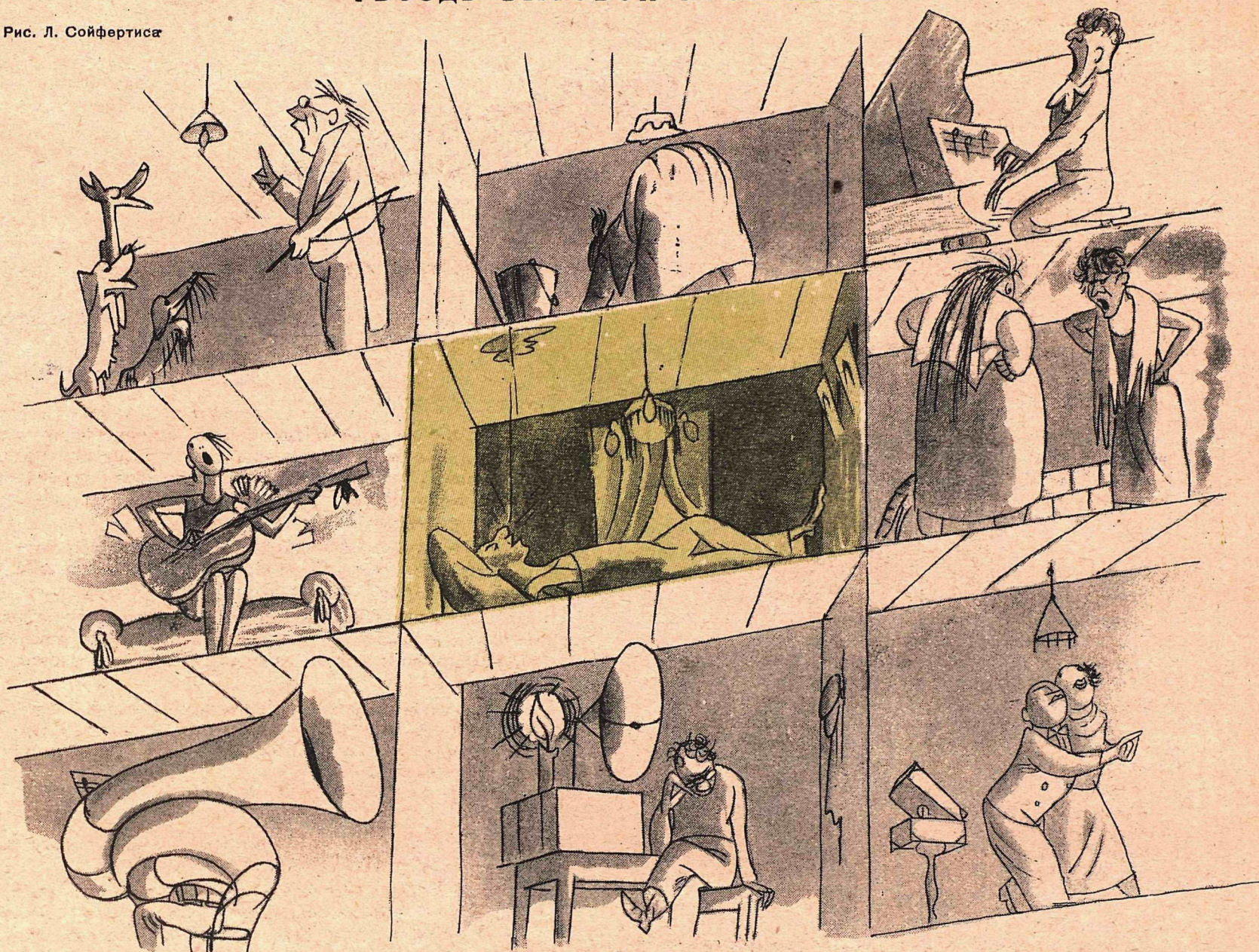
— А мне нравится, — зевнув, отозвалась Люся.

— Что нравится?

ГВОЗДЬ БЫТОВОЙ ПРОГРАММЫ

Рис. Л. Сойфертиса

Человек без нервов

— Все. Стоять в конюшне нравится. Разговаривать нравится. И сам Васька нравится. Я с ним еще, может быть, распишусь.

— Ладно, ладно, — злобно сказал Угано, — мы тоже не лыком шиты. Померекуем кое-что...

Люся пожала плечами.

Откуда-то рядом с уборной Стаканос слышалось страшное рычание. Жонглер Угано постоял и решительно открыл дверь.

— Входи, чорт паршивый, чего стоишь? — прорычал чей-то голос.

Угано подошел ближе, протянул руку и сказал:

— Председателю месткома наше!

— Ну, здорово. Чего тебе?

Угано оглянулся. Зашептал:

— У меня, понимаешь, есть сомнения насчет Стаканос.

Он, по-моему, не член союза. Взносов не платит, активист никакой... Ненужен мне, говорит, ваш рабис!.. Не мешало бы снять его с работы.

Предместкома густым басом пророкотал:

— Снять — это не разговор. А хвост накрутим, если подтвердится.

Угано убеждающе заметил:

— Лучше бы снять. Он ведь от масс совсем оторвался.

— Ничего, дорвется обратно... Скажи лучше, как у тебя дело с кассой взаимопомощи? Погасил или нет?..

Угано заскрипел зубами...

Под куполом, у самых окон, сквозь которые скупо просеивался свет, поблескивали трапеции Стаканос. Внезапно из-за ступеней винтовой лестницы вынырнул старый Угано.

Жонглер долго рассматривал трапеции и тросы. Наконец, он испустил восклицание радости. Грозно погрозив пальцем вниз, на манеж, старик стал спускаться.

А через 10 минут он сидел в кабинете директора цирка и говорил:

— Мне что, Искандер Маврикиевич! Я человек посторонний, неответственный. А вам придется отвечать. Эти Стаканос нахально работают на перетертой трапеции. Не дай бог, что случится, охрана труда с кого спросит? С вас, Искандер Маврикиевич. Первым делом с вас. Где, мол, техника безопасности? Чего спала дирекция? Зачем дремал местком?.. А я сам видел: в четырех местах — ржавчина, на самых трапециях — трещины...

— Вы правы, — вдумчиво произнес директор, — мы для Стаканос закажем новую аппаратуру. А пока пусть работают партерную акробатику, ну хоть в свердловском цирке...

— Зачем же в свердловском, — не скрывая радости, сказал Угано, — можно и в томском. А не то — во Владивостоке хорошо бы программку укрепить...

Вечером перед своим выходом Люся Угано долго прощалась с Васей Стаканос, отбывающим в Томск. Когда она подошла к своему партнеру, грустная и заплаканная, хитрец Угано сказал:

— Ты не больна, Люсечка, нет? А то потребуй, чтобы тебе дали бюллетень. Теодор и Коко нас свободно сегодня заменят. Я с ними сговорился, и Жинжик не возражает...

Глаза старого Угано блеснули...

В. АРДОВ

ОБМЕН РЕПЕРТУАРОМ

Они сидели вдвоем в купе, курили длинные сигары и исподтишка наблюдали друг за другом, у кого раньше упадет пепел. Обои было нестерпимо скучно.

Пепел упал у коротенького толстого человечка, лысого и румяного. Он облегченно вздохнул и миролюбиво сказал:

— Прекрасная погода, профессор.

Худой унылый человек выглянул в окно, внимательно осмотрел небо и, убедившись, что он может согласиться, вежливо подтвердил:

— Вы совершенно правы. Погода действительно прекрасная.

На этом и завязалось знакомство двух людей совершенно различных профессий, встретившихся в поезде на пути из города Столупенена в Кенигсберг. Через несколько минут выяснилось, что худой человек в очках — не профессор, а Гуго Эрпитц, бургомистр города Брудер, и едет к себе после короткого отдыха в деревне, чтобы выступить с программной речью по городскому хозяйству и продовольственному вопросу.

— Что касается меня, — конфузливо произнес коротенький и румяный, — то я клоун. — И оправдывающе добавил: — Это очень трудное занятие. Мой папа был мельником. Я хотел бы лучше сейчас молоть муку, чем острить. В наших цирках ездят на лошадях итальянцы и кувыркаются греки. И никто им не говорит, что они кувыркаются не по-арийски. Но когда выходит честный клоун-ариец, и ему дают по морде, и он падает на ковер, то все придираются и спрашивают, в чем здесь прославление тевтонов. Мне очень скучно без репертуара.

Не без тени зависти бургомистр Эрпитц посмотрел на своего спутника и вздохнул.

— Прекрасная профессия, — сказал он, — как приятно, наверное, смешить людей. Особенно после гороховых сосисок. И как неприятно говорить длинные речи о городском хозяйстве. Как бы я хотел уметь острить...

— Так острите, — сухо заметил клоун.

— Репертуара нет, — вздохнул бургомистр. — Вот моя программная речь. Вставьте сюда хоть парочку острот...

Он вынул из чемодана заранее отпечатанную речь и протянул ее клоуну.

— Хорошо, — протянул клоун и тоже надел очки, — я вставлю. Но услуга за услугу. Вот здесь записаны все мои остроты. Вставьте мне что-нибудь злободневное из вашего доклада. Я хочу шутить по поводу городских новостей. Я переделаю их в остроты, и почтенная публика будет улыбаться. Сделаем общее арийское дело в нашем уважаемом городе...

Оба стали внимательно читать.

— Прекрасные шутки, — деликатно заметил бургомистр. — В ратуше будет много смеха, когда я вставлю их в мою речь.

— Прекрасная речь, — также заметил клоун, — почтенная публика будет очень довольной, когда я выкину колечко насчет городских новостей...

Поезд подходил к Брудеру. Бургомистр и клоун сердечно пожали друг другу руки и вышли из вагона.

— Хорошо, что я стащил у него доклад, — весело подумал клоун, шагая по перрону, — выужу из него все до последней капельки...

— Прекрасная идея, — шептал бургомистр, идя в другую сторону. — Как это я сразу не догадался, что нужно у него свиснуть экземпляр с остротами... У меня будет прекрасная речь...

Через два дня бургомистр Эрпитц выступал в ратуше на собрании домовладельцев. На больших манжетах у него были переписаны мелким почерком одиннадцать острот, скраденных у недавнего спутника.

— Господа и дамы! — игриво начал он. — Знаете, почему я сегодня такой веселый? Потому что я поел гороховых сосисок.

В зале громыхнул смех. Домовладельцы вообще любят громко смеяться после сытного обеда.

— А знаете, почему так здорово и бодро выглядит доктор философии Фриц Мукнер? Потому что он все время в движении, меняет места и ведет нормальную лагерную жизнь. То он, то его жена садятся в лагерь.

Домовладельцы, наполнявшие ратушу, еще раз откликнулись зычным смехом. Никто из них не любил беспокойного Мукнера, доказывавшего, что их надо обложить налогами.

— А почему, господа и дамы, — ослепленный успехом гремел бургомистр Эрпитц, заглядывая на манжету, — вы такие довольные?.. А потому...

После окончания речи бургомистру долго пожимали руки.

— Прекрасная речь, — восхищенно говорил один из домовладельцев. — Настоящая арийская речь. Остроумно, весело, едко... Поздравляю. Вы лучший оратор Брудера...

В этот же день клоун Тик выступал в городском цирке.

Встреченный аплодисментами, Тик выждал паузы и, подмигнув галерке, начал:

— Знаете, почему я такой веселый? Это потому, что в городском самоуправлении решили свинину с капустой делить пополам. Свинину — для лучшего будущего, а капусту — сегодня. Ха! Ха!

На галерке глухо заворчали посетители.

— Довольно капусты! Надоела капуста... Валяй дальше!..

Клоун Тик осторожно заглянул в бумажку, где были переписаны сведения из доклада бургомистра, и робко продолжал:

— А знаете, почему воробьи прыгают? Не знаете? А я знаю. Потому что им не нужно масла, а масло будет отпущаться по карточкам... Ха! Ха!

— С какого числа? — тревожно спросили с галерки.

— С девятого. А знаете, почему маленького Карлушу оставили без сладкого? Потому что сладкое блюдо — это антирасовое явление.

— Уже? — крикнули с галерки.

— Еще нет, но с одиннадцатого будет.

Зрители сидели в мрачном унынии. Зловеще шипели ацетиленовые фонари.

Тик сделал смешное сальто в воздухе и упал на ковер. Кто-то слабо улыбнулся.

— А знаете, — спросил Тик, не вставая с ковра, — почему я лежу? Потому что мне страшно идти домой. С девятнадцатого квартирная плата увеличивается вдвое.

По дирку прошел гул. Ряды стали пустеть.

— Срочно замените его конным номером, — распорядился директор цирка. — Лошадь по крайней мере не говорит. Унесите его со сцены. И пусть хоть дрыгает ногами. Злободневные остроты у нас не проходят.

Через три дня в городском сквере бургомистр Эрпитц и клоун Тик встретились около киоска с арийским напитком из ревеня и укропа.

— Большое спасибо, — взволнованно пожал клоуну руку бургомистр. — Я имел громадный успех. У вас чудесный репертуар. Искренне поздравляю. А как насчет городских новостешек — вставили?

— Вставил, — тихо сказал клоун Тик. — Спасибо за такие новости. Мерси за репертуарчик.

И еще тише, но увереннее добавил:

— Идите к чорту, если не хотите, чтобы один ариец проломил другому арийцу череп... Меня все равно выкидывают из города.

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

ЯЗЫКОВЫЙ АКТ

Наши районные газеты очень часто ругают цирковые афиши за их безграмотность. И правильно ругают. А вот в качестве сравнительного примера — объявление, рассылаемое районной газетой «Соц. Майдан» (Темирский район, Актюбинской области).

ОБЪЯВЛЕНИЕ

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ «СОЦ — МАЙДАН» ОБЪЯВЛЯЕТ ПОРЯДОК ПРИЕМ ЗАКАЗОВ;

Заказ принимается в конторе Редакция, стоимости заказы очень дешево, если например раньше одна форма было сделано 100 рублей то сейчас 40—50 рублей, и выполняется свое временно оккуратно. Когда Рай Типографии было самостоятельно в распоряжение Облестпрома отсутствием бумаги и наложением 10% налога заказы принималось дорого. По постановлению Темирского Рай исполкома Типография передано в распоряжение Рай газеты.

Редакция «СОЦ — МАЙДАН»

МУДРАЯ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ

Рис. Ю. Ганфа

- Почему это перед клеткой со львом поставили стражу?
- А вдруг публика нападет и мясо отнимет.

НОВЕЛЛЫ ИЗ ЦИКЛА „ТЫСЯЧА“

Иллюстрации Л. Сойфертиса

Единственная дочь. Училась, работала в комсомоле, увлекалась живописью, танцами, музыкой. Плавала, ездила на велосипеде — и вдруг вступила в акробатический кружок. Это увлечение оказалось более длительным и глубоким, нежели все остальные. Гибкое, красивое тело. Удивительное умение владеть им. С улыбкой делает салто и безошибочно-точно попадает на скрещенные руки силачей — ее партнеров. Работает с двумя товарищами в цирке. «Хватит выписывать из-за границы акробатов и платить им валюту, — говорит она, — свои это сделают не хуже». Тройка имеет успех. Поездки по городам. Зрители хорошо относятся к молодой советской акробатке. Стройная, красивая девушка, легкая и сильная, с незаученной, а естественной улыбкой. Выходит на арену в серебристо-чешуйчатом нагруднике, поясе и туфельках. Это вяжется с цветом ее тела. Прошло два года. Отец, крупный, известный работник, недоволен, даже опечален, но помешать ей не может. Она считает, что делает нужное, общественно-полезное дело, работает охотно, радостно, и после особенно трудного номера, профессионально, по-цирковому, скрестив ноги и разбросав руки, обводит аплодирующий цирк веселой, молодой, сверкающей и скромной улыбкой.

Лет тридцать удивлял людей. Даже сейчас по его лицу, сохранившему следы безудержной лихости, видно, сколько отчаянной энергии в этом человеке. Он царит в цирке. Его имя огромными буквами возглавляет цирковые афиши. Он прыгает через горы столов и стульев, через шкафы, через лошадей. Он в самом деле чертовски ловок. Кланяясь публике в грохоте аплодисментов, артистически потряхивая буйной шевелюрой, он привычно думает, что он избранник, феномен среди людей. Но все же в последние годы он чаще и чаще задумывается. На афишах появляются все новые и новые имена, и многие, напечатанные менее крупно, более известны... Много таких имен. Не всегда уже действуют размеры букв на афишах, не всегда помогает яркая краска. Ловкач, удачник, счастливцев, он стал задумываться о славе. Что такое слава? Однажды он стоял в саду перед летним цирком и смотрел на гуляющих. Здесь было большое оживление. Сад давно был расширен и переименован в парк культуры и отдыха. Кроме цирка здесь были театр и боль-

шой лекционный зал, и всюду висели афиши. Перед каждым входом толпились люди. Оживление было значительно большее, чем перед цирком. А ведь тут, у цирка, висела огромная афиша, и на афише огромными буквами стояло его имя... Он стоял с полукруглым ртом и зорко вглядывался в оживленные лица — зорко и скорбно. Что же там такое в этих залах? Он подошел, прочитал афиши... Там были выступления пекарей, деревообделочников, башмачников. Вокруг обыкновенного белобрысого парня стояла большая группа, с ним говорили, как со знаменитостью, ему оказывали такой почет... Совершенно ясно: этому парню будут долго аплодировать, хотя он не артист.

— Конечно, это разные вещи, — вздохнул прыгун. — Это — одно, а цирк — другое. Цирк — развлечение, но все-таки надо теперь иначе прыгать... Иначе. Другое время. Надо чем-то осветить нашу работу. Нельзя просто прыгать. Надо со смыслом. Надо, чтобы какая-то цель была и в прыжках...

Раздался звонок. Надо было пойти переодеваться. Артист пошел в свою уборную надевать костюм с блестками — одна штанина красная, другая синяя — и старый смешной колпак — свое производственное одеяние.

Когда началась революция, ему было около двенадцати лет. Его любимой игрой было жонглирование. Родители, братья и сестры — это была трудовая рабочая семья — рассказывали поразительные новости о движении огромных масс людей, о демонстрациях, арестах, о войне. Он внимательно слушал. Его сочувствие было на стороне тех, кому сочувствовала вся семья. Он тоже с любопытством и волнением напряженно шагал среди множества людей и знамен, а вернувшись домой, опять принимался за шарики. Сладостно тянуло к ним. Приятно было вспоминать о шариках, о том, как он будет жонглировать ими. Интересно было даже думать об этом. Он возьмет шарики и начнет подбрасывать. Вот уже четыре шарика безошибочно и мягко ложатся в ладони не сталкиваясь. Когда он прекращает жонглировать, шарики с милым, приятным костяным треском падают друг на друга. С пятым еще не выходит — один обязательно вырывается и падает на пол. С бутылками идет лучше. Шесть бутылок легко поднимаются в воздух, весело играя световыми бликами. Они переворачиваются в воздухе и покорно ныряют шейками в его ладони. Гоп! Пошла, повернулась дном кверху, в воздухе вывернулась, потом опять — в

ладонь. На улице однажды был шум: кричали, стреляли, спешно закрывали ворота. В город ворвалась банда. Дежурили во дворе всю ночь. И тут впервые его вознаградили за умение жонглировать. Дома нередко кричали на него — какой надоедливый мальчик! Ну что это за поведение! Все сидят за столом, разговаривают и пьют чай, а он незаметно берет несколько кусков сахара, и сахар описывает в воздухе пируэты и аккуратно падает в его неуемные пальцы. Ну что это такое?! Его не раз прогоняли из-за стола. А тут, во дворе, когда всю ночь жители дома сидели у ворот и многие рассказывали всякие истории из своей жизни, тут маленький жонглер пришелся кстати. Более получаса он развлекал всех своим искусством. В эту ночь наречность хорошо у него летали и шарики, и бутылки, и даже пули, которых было немало у многих зрителей. «Это настоящий жонглер», — говорили вокруг. «Молодец!» Он чувствовал радостное волнение и показал новое, что еще делал неуверенно: он положил один шарик на лоб, запрокинул лицо и в таком положении жонглировал четырьмя. Это уже было настоящим жонглерским выступлением! Учился он хорошо. Окончил школу. Затем поступил в цирк. В белом костюме, в чулках и мягких туфлях, он несся на арене с места на место. Он был вообще необычайно подвижен. Его горение и страсть передавались зрителям. Бутылки, шары, мячи летали, прыгали и извивались вокруг него и с поразительной точностью мягко ложились в его ладони, на лоб, на плечи, на затылок, на носки. Он держал в зубах палочку, и на эту палочку, как в уютную ложбинку, как в гнездо, садились шары, мячи — это казалось нарушением всех законов физики, но это не было нарушением никаких законов. Это было тонким искусством. Это было страстью. Номера усложнялись. Шары ложились уже не только на палочку, которую он держал во рту: с этой палочки они перескакивали на другую, которая стояла на его лбу, — шар перескакивал на острие и прочно закреплялся, точно это была самая уютная гавань. Шары ложились на затылок, на колени — шары точно живые, разумные существа выполняли малейшее желание жонглера, летали по строго начерченным путям, и все это вызывало у зрителей интерес, волнение и долгие аплодисменты... Сейчас он крупный артист. Нравятся его подвижность, исключительно ловкие, точные движения, простой костюм. В личной жизни он сдержан, умерен во всем, весело смеется, любит читать, интересуется международным положением. Очень гордится, когда его приглашают на художественную часть митингов и собраний. Он глубоко уверен, что его искусство нужно массам и револю-

ции. И он не ошибается: люди смотрят на его работу с радостью и больше верят в волю человека.

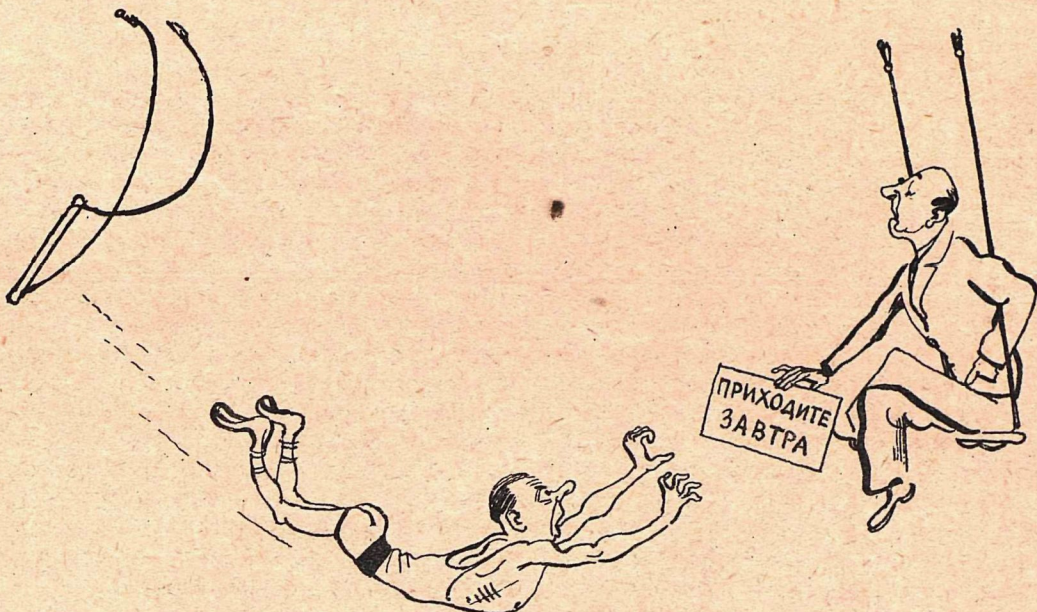

Иностранная велосипедистка-акробатка. Много лет раз'езжала по циркам Европы со своим отцом, тоже велосипедистом-эксцентриком. Сначала публика видела изящную девочку с большим бантом—голубым или розовым—в каштановых волосах. Она великолепно ездил, поднималась на руках, ездил на

одном колесе, выгибалась, нажимая на педали руками, и т. д. Через несколько лет девочка превратилась в красивую задумчивую девушку—изящную, сильную и гибкую. Однажды, когда, приехав на гастроли в Москву, работала на арене цирка, она почувствовала на себе взгляд молодого человека, сидевшего в первом ряду. Множество взглядов сопровождало каждое ее движение на велосипеде. Она привыкла к этому, но этот взгляд был тот взгляд любви и нежности, которые бывают редко среди людей—по крайней мере так кажется тем, кого они обжигают. Молодой человек приходил каждый день—для нее, она это чувствовала. Девушка стала выходить на арену с волнением. У нее дрожали руки—отцу пришлось отменить ряд трудных моментов номера. Старый, опытный, остро наблюдательный, он заметил, угадал, почувствовал, что кто-то смутил покой его дочери. Он никого не пускал за кулисы цирка, и лишь только кончился контракт—уехал за границу. Дочь сначала робко, потом смело и настойчиво просила отца опять заключить контракт с Москвой. Отец оттягивал контракт под разными предложениями. Наконец, предлог нашелся основательный: в России происходила революция. Началась гражданская война. Москве было не до эксцентрика-велосипедиста и его красивой дочери. Однако дочь получила несколько писем от москвича—он находил ее адреса через конторы мюзик-холлов, цирков и театров-варьете. На два письма она ответила и прислала свою карточку. Но потом переписка оборвалась. Почему? Погиб ли молодой москвич, влюбленный в акробатку? Неужели погиб во время гражданской войны? Не нашли ли в кармане убитого героя карточки, изображающей иностранку, девушку-велосипедистку, акробатку? Неизвестно. Прошло много времени. Пять лет, десять, пятнадцать. И вот в Москву приехала интуристка—еще молодая женщина. Она не узнала Москвы. Она хотела многое видеть в ней, но первым делом направилась в цирк. Волнуясь, она обошла весь круг, посмотрела на людей, сидела грустная, взволнованная. Где тот, который обжег ее нежностью много лет назад?..

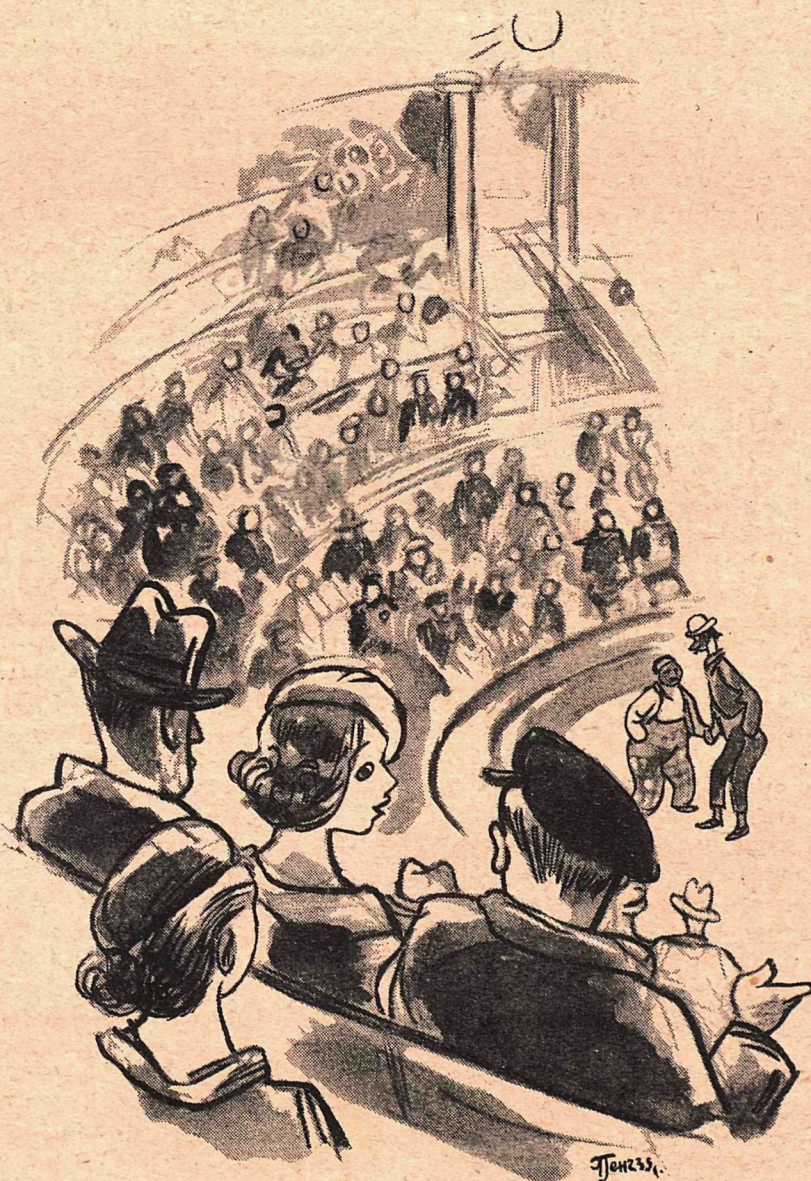
ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

Рис. К. Ротова

Бюрократ на трапедии

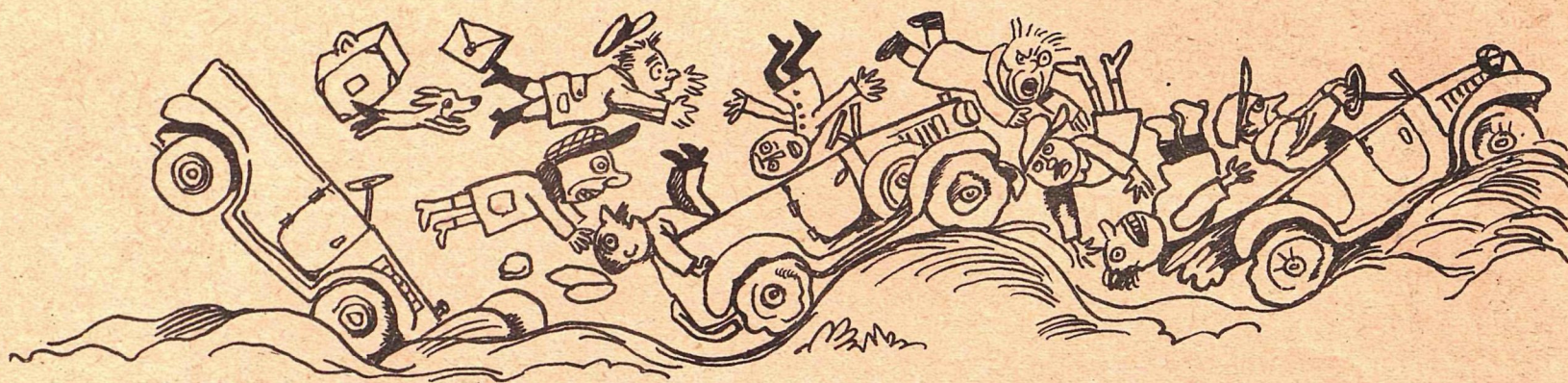
Рис. Л. Генча

— Почему в программе не показывают снайперов?
— А кого вы этим удивите? Здесь все зрители—ворошиловские стрелки.

Рис. А. Радакова

Тройное сальто

ВДУМЧИВЫЙ ЗРИТЕЛЬ

В цирк мы пошли прямо со службы компанией человек в восемь. Отраседали — и пошли. Вроде как в культпоход.

Ну, зажглись над манежем четыре уличных фонаря. На балкончике оркестр марш сыграл. Двенадцать швейцаров вышли и стали вдоль прохода. Словом, началась программа.

Настроения у нас у всех оказалось довольно бодрое. Смотрим на номера, смеемся или удивляемся, толкаем друг друга в бока портфелями... Только был с нами Порфирий Семенович Чоботов. Это вообще незаурядная личность, философ и большой активист. Порфирий Семенович десятый год работает как плановик-рядовик. И сколько ему ни предлагали других, более высокооплачиваемых должностей и мест, он всегда отказывается. «Я, — говорит, — есть плановик-рядовик, плановиком-рядовиком и помру. Мне на моей работе нравится созерцательное начало». Ну, действительно. Порфирия Семеновича, например, докладные записки так смотрят в глубь предметов, что многие председатели у нас обижаются... Незаурядная личность, чего говорить...

Хорошо. Вот кто-то из нас и посмотри на П. С. Чоботова в цирке. А на арене в тот момент — группа акробатов. Так и роится друг на друге. Один на другом, тот на третьем и сбоку держит четвертого как бы наискось. Словом, техника на грани фантастики. Вся публика чертыхается от восторга: как это так мыслимо?

А у П. С. Чоботова — грустное лицо и задумчивый взгляд. Глянувший на него говорит: «П. С., что с тобой? Или тебе не нравятся акробаты?»

Порфирий Семенович отвечает:

— Нет, они мне нравятся. Но они мне напоминают. И это напоминание доводит меня до грусти.

— Как напоминают? Что напоминают?

П. С. Чоботов оглядывается и тихо говорит:

— Вся эта группа, которая один за другого держится, напоминает мне уходящий, но еще не изжитый блат. Понятно? Смотрите, на чем этот боковой держится: буквально ни на чем, кроме блата...

Мы все смотрим новыми глазами на труппу акробатов, и нам делается противно от этой разнузданной картины неприкрытого блата. Чоботов прав.

Проходят еще номера. Сослуживцы успокаиваются, и вот мы начинаем отдыхать душой на почве воздушного акта: под самым куполом с трапеции на трапецию порхают двое юношей и две девушки в розовых костюмах. Музыка то аккомпанирует, то тревожно умолкает, подчеркивая опасность и четкость работы розовой четверки. Зрители запрокинули головы кверху и крутят кадыками вслед перелетам. Крутим и мы. Но видим: П. С. Чоботов не крутит.

— Что такое? Чем ты недоволен?

— Я слегка огорчен, — говорит П. С. Чоботов, — потому что эти беспринципные перелеты мне напоминают легкое отношение к бракам, какое мы пока еще видим у некоторых

граждан обоего пола. Вот смотрите: только что она устроилась со своим партнером на уютной трапедии. Тут бы и вить гнездо. А она уже — ффью! — полетела на ту трапецию, к смазливому брюнету. Кончился брак. Видишь: и там не задерживается — брюнет перепорхнул к блондину, и оба уже живут по-холостяцки, вместо того чтобы укреплять семью... Чересчур горькое зрелище этот воздушный акт!

Опять, пораженные справедливостью мыслей П. С. Чоботова, мы опустили головы и не подымали их до конца номера.

Потом кто-то из нас засмеялся над комическими выходками коверного. Этот коверный все делал вид, что помогает скатывать ковер, выносить оборудование для номеров. А сам, конечно, мешает. Ну, умора да и только!..

Вот мы смеемся, а П. С. Чоботов останавливает нас жестом руки и говорит:

— А не похож ли этот коверный на безызывственного вам товарища Щекотихина?

Тут мы все вспоминаем Щекотихина, который на всех заседаниях суетится, проявляет инициативу, доказывает, а на самом деле никогда ничего не делает. И нам опять делается не по себе.

Но вот выходит жонглер. Он весело бросает и ловит бутылки, тарелки, лампы. Нам хочется улыбаться, но мы уже не смеем. Осторожно оборачиваемся мы в сторону Чоботова. Да, конечно: он хмурится.

— Говори, Чоботов! — обращается к нему один из нас. — Мы готовы к худшему. Что тебе напоминает жонглер?

— Товаропроводящую сеть, — отвечает Чоботов, смахивая слезу. — Посмотрите на этот ограниченный ассортимент ширпотреба: тарелки, бутылки, лампы и опять тарелки! А где стаканы? Где чайники? Где мануфактура и готовое платье?.. И потом этот возврат непроданных вещей! Что он кинет на места, то самое к нему возвращается. Вот они, язвы торговли, особенно в деревне!..

Какие номера были потом, я уже плохо помню. Не до того было. Помню только, что во время показа конюшни дрессированных лошадей Чоботов разрыдался.

Я и еще один сослуживец вывели Чоботова в фойе. Спрашиваем его ласково:

— Что, Чоботыч, и конюшня тебе напоминает?

— Напоминает, — говорит.

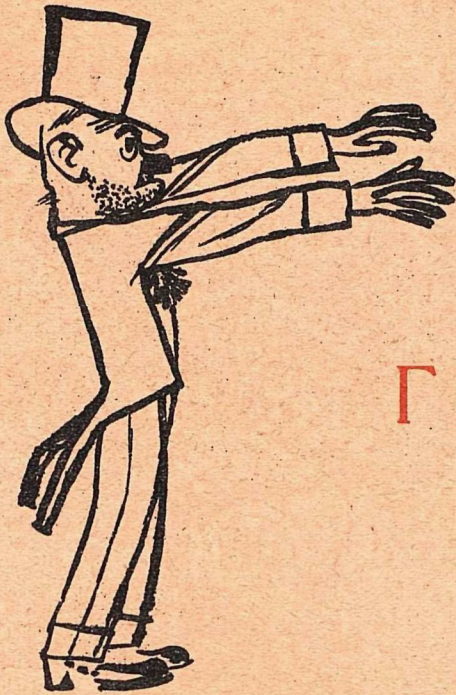
— А что напоминает?

— Да как же... Смотрю я на номер, а сам думаю: «Господи, лошади, а как перестраиваются на ходу... Сейчас все туда шли, а сейчас — сюда... а сейчас — по группам... А мы... а у нас в объединении в прошлом году при перестройке аппарата чего только ни напутали — все сбили, все провалили. И-эх!..»

Домой шли мы невесело. Нет, нельзя людям с философским уклоном ходить в цирк. Нельзя!

ИВАН ДИТЯ

СЕАНС ГИПНОТИЗЕРА

Гипнотизер Фердинандо Жаколио, пожилой мужчина с длинным лошадиным лицом, на котором многие пороки и склонность к запою оставили свои печальные следы, гастролировал в городе Н. уже вторую декаду.

Объяснялась эта задержка тем, что в городе Н. гипнотизеру жилось довольно уютно. Никто его не притеснял, и неизбалованная публика хорошо посещала представления, которые Фердинандо устраивал в городском цирке.

На одном таком представлении и встретились директор местной конторы треста «Домашняя птица» товарищ Верепетуев и ответственный исполнитель по индюкам из той же конторы Дрожжинский.

Места их оказались рядом. Усевшись поудобнее, Верепетуев и Дрожжинский стали созерцать представление.

Для начала Фердинандо, облаченный в старый лоснящийся фрак, с сатиновой хризантемой в петлице, лениво, привычным жестом воткнул себе в язык три шляпных дамских булавки образца 1913 года и обошел ряды, демонстрируя отсутствие крови.

Зрители с невольным уважением рассматривали толстое фиолетовое орудие речи, проткнутое насквозь. Девочка в пионерском галстуке даже потрогала удивительный язык руками и при этом вскрикнула:

— Ой, какой шершавый!

— Здорово! — сказал товарищ Верепетуев.

— Чисто работает, — откликнулся тощий Дрожжинский.

А гипнотизер уже готовился к сеансу гипноза.

— Желающих прошу на сцену, — галантно сказал он.

Тотчас же из заднего ряда поднялась бледная девица, с которой гипнотизер обычно после представления сживал в пивной «Дружба».

Фердинандо записал ее фамилию и имя в толстую книгу.

— Это для медицинского контроля, — пояснил он публике.

Через пять минут бледная девица села на сцене с раскрытым ртом и деловито выполняла неприхотливые желания гипнотизера: расстегивала верхние пуговицы блузки, готовясь купаться в невидимой реке, произносила короткие стихи из бывших отрывных календарей и объяснялась в любви неведомому Васе.

Потом девица ушла, и гипнотизер снова пригласил на сцену желающих подвергнуться гипнозу. И вот из боковой ложи на сцену вышел старичок в байковой куртке и рыжих сапогах.

— Мы желаем подвергнуться, — сказал он, — действуй на нас.

— Смотрите, это наш Никита, — сказал Дрожжинский директору «Домашней птицы», — сторож с третьей фермы. Ядовитый старик, я его знаю.

— Должность моя мелкая, — между тем объяснял гипнотизеру старик в байковой куртке, — сторожем я тружусь на птичьей ферме. А зовут меня Никита Борщов, так и пиши.

Фердинандо Жаколио усадил Никиту в кресло и стал делать пассы. Вскоре Никита громко вздохнул и с явным удовольствием закрыл глаза.

— Вы засыпаете, засыпаете, засыпаете, — твердил гипнотизер, решивший посмеить публику, — вы уже спите. Вы уже не сторож птицефермы Борщов, а директор всей вашей конторы. Вот вы приехали на работу. Вы сидите в кабинете директора. Говорите! Вы директор! Говорите!

Помолчав, спящий Никита проникновенно заговорил:

— Это же форменная безобразия! Десять часов, а в конторе никого. Эх, и запустил службу товарищ Верепетуев!

Товарищ Верепетуев, сидевший в третьем ряду, густо покраснел и сердито пожал плечами.

Дрожжинский слабо хихикнул.

— Ну, я-то уж порядочек наведу, — продолжал Никита, — я вам не Верепетуев, я в кабинетах не стану портки просиживать. Ведь он, Верепетуев, что? Он птицы-то и не понимает вовсе. Он, свободное дело, утку с вороной пере-

путает. Ему бы только бумажки писать да по командировкам раскатывать. Он на фермах раз в году бывает.

— Это ложь! — крикнул Верепетуев с места.

В публике засмеялись.

— Не мешайте оратору, — бросил кто-то громким шепотом.

— Нет, не ложь, — не открывая глаз, сказал загипнотизированный Никита. — Это чистая самокритика, а не ложь, ежели хотите знать. Сколько раз мы Верепетуеву про этого гусака, Дрожжинского, говорили. Он и в ус не дует. А Дрожжинский корму индюкам не запас, они и подохли, сердечные!

— Это неправильно! — завизжал из второго ряда Дрожжинский.

— Я писал в трест. У меня есть бумажка. Гипнотизер, разбудите же его!

— Не будить! — зашипели в зале. — Пусть выскажется. Крой, Никита! Отойдите, товарищ Жаколио, не мешайте человеку.

— Не надо меня будить, не надо! — гремел Никита Борщов, попрежнему с закрытыми глазами. — Когда надо будет, я сам проснусь. Я еще за прозодежду не сказал. Почему сторожам, я вас спрашиваю, полусубки доселе не выданы?

...Верепетуев и Дрожжинский, дрожащие, красные, протискивались к выходу. Вслед им несли могучий бас Никиты Борщова:

— А кому наемни двух пекинских уток отнесли? Товарищу Дрожжинскому. А кто в прошлом году утят поморозил? Товарищ Верепетуев.

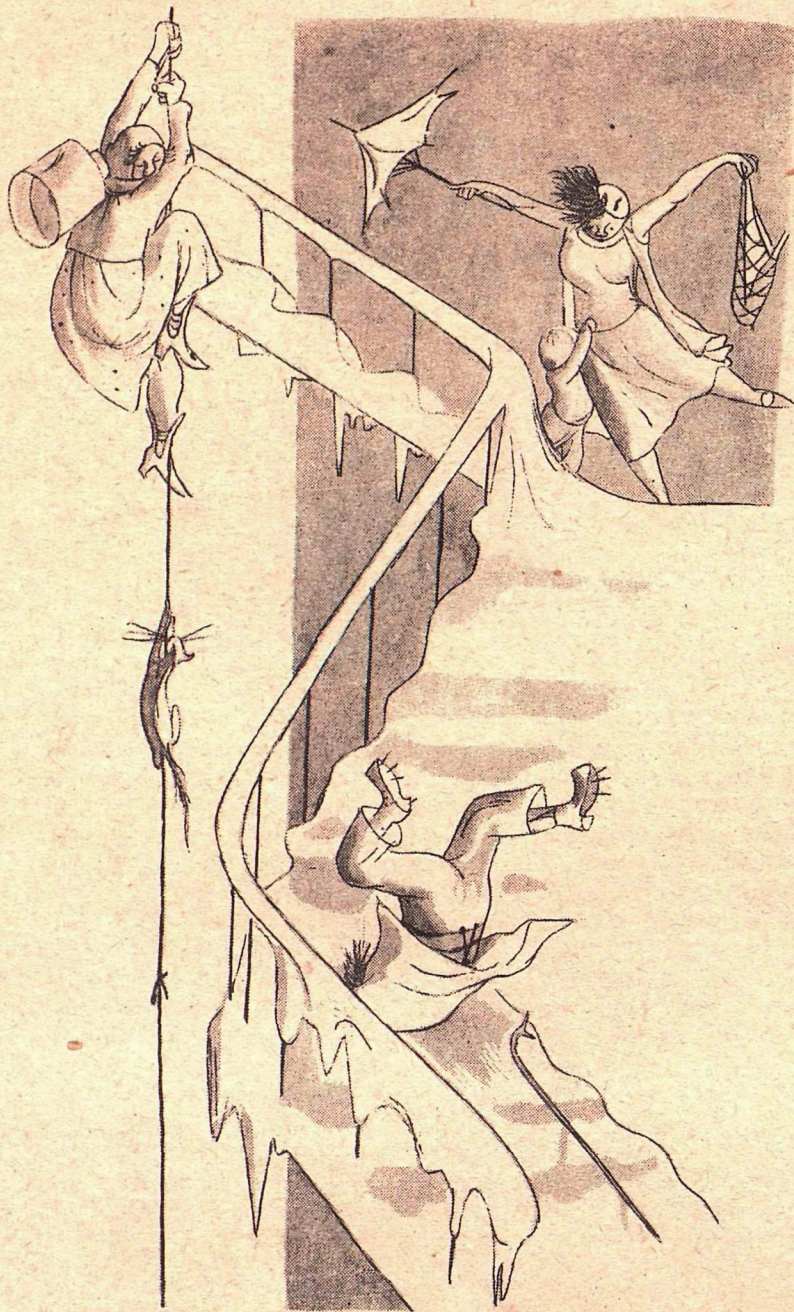
Цирк бушевал. Фердинандо Жаколио стоял у входа за кулисы с несколько растерянным выражением на лице. Он никак не ожидал такого результата от своего гипноза. Какая-то женщина, в цветистом платке, из первого ряда, тянула к нему руку и настойчиво требовала:

— Дай-ка после Никиты мне слово, гражданин гипнотизер. Я за курей скажу. Все выложу, что на сердце накопело. Все!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. Л. Сойфертиса

Эквилибристи на лестнице.

ГВОЗЬ ЗАКУЛИСНОЙ ПРОГРАММЫ

Рис. Л. Генча

Икарыйские игры.

ЛЕГЧАЙШИЙ СПОСОБ ДРЕССИРОВКИ

Рис. М. Храпковского

— Я понимаю, что обезьяна у вас курит, кланяется и ест вилкой, но как вы ее научили смеяться?
 — А очень просто. Мы ей давали читать „Фолькишер Беобахтер“ со статьями Розенберга.

БИБЛИОТЕКА КРОКОДИЛА

печатаются
и скоро поступят в продажу:

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ — „Приключения Растегина“
Иллюстр. А. Топикова

М. САЛТЫКОВ (ЩЕДРИН) — „Испорченные дети“
Иллюстр. Б. Малаховского

СТЕФЕН ЛИКОК — „Смешные рассказы“
Иллюстр. Л. Бродаты

В. АРДОВ — „Некоторые рассказы“
Иллюстр. Б. Малаховского

Л. ЛАГИН — „Сто пятьдесят три самоубийцы“
Иллюстр. Ю. Ганфа

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ПАНТОМИМА С ФАКЕЛАМИ

Директор Усть-Боровского солеваренного завода (на Урале) Акулов потерял партбилет. Это безрадостное событие навело Акулова на мысль, что билет он потерял, будучи в нездравом состоянии, на территории своего завода. Немедленно ночью была вызвана заводская пожарная команда. Пожарные зажгли факелы и, озарив ночь мрачными огнями, ревностно рассыпались по заводу в поисках потерянного партбилета.

В конце безнадежных поисков Акулов неожиданно вспомнил, что партбилета он в нездравом состоя-

нии не терял, а отдал его в твердом уме и здравой памяти секретарю парткома, при уплате членских взносов.

Пожарные были распущены. Факелы, шипя и дымясь, погасли. Заводское население улеглось спать.

Пантомима с факелами была закончена. Вызов ее автора и режиссера не последовало.

Кажется, даже в Комиссию партконтроля — и в ту еще не удосужились вызвать.

А зря такой эффектный номер предан забвению.

„ЧЕЛОВЕК-СНАРЯД“

ИЛИ

Рис. Ю. Ганфа

самый обыкновенный фашистский дипломат.

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ КАТАСТРОФА

Есть такая украинская поговорка:

«Налетела муха на быка, помяла ему бока».

Приблизительно по этому принципу 1-й московский автобусный парк послал в трест «Мосавтотранс» срочное извещение о следующей катастрофе:

Год, число, месяц: 24/X 1935 г.	Место происшествия: Шоссе Энтузиастов	Состояние пути: Мокро
------------------------------------	--	--------------------------

Характер происшествия: На автобус № 249 наехал велосипедист	Характер повреждений: Повреждений автобуса нет
--	---

Искренно поздравляем автобус № 249 с чудесным избавлением от неминуемой опасности погнаться под колесами велосипеда. Хорошо, что велосипед был двухколесный. А вдруг бы детский, трехколесный — где бы ты был, бедняга № 249!

САЛТ О С КАЛЕНДАР ЕМ

Днепропетровская газета «Зоря» в номере от 22/IX ударила по рукам арктический год, который пытался уложиться всего в 365 суток.

Пером М. Ставницера в очерке «Записка зимовщика» газета сообщает:

Подсчитано: за год — только 1405 часов солнечного света, зато дней со снегом — 204, с дождем — 31, с туманом — 112.

Итого, по нашему скромному подсчету, следовательно, арктический год насчитывает 405 дней вместо нормальных 365. Если бы М. Ставницера за эти лишние 40 дней в году, которые он пробыл в Арктике, научился бы попутно и арифметике, это было бы чрезвычайно полезно и для него и для газеты, в которую он пишет.

СОЛО У ПРЕДБАНИКА

Среди образцов деловых бумаг, циркулирующих в стране, — да займет видное место документ, рожденный в г. Проскурове, недалеко от предбанника.

Вот он во всей его влекущей нетронутости:

К о п и я.

Р О С П И С К А.

Дана гр-ки МОРОЗОВОЙ в том что она 7/IX.35г. за осуцием води в бани успеха только на милица а мила не омила а почему имеет право прити домитя 9/IX.35г.

П.и. к а с и и р - Ш Е Й Н Г.-

В Б Р Н О: Зав.делопроизводством штаба войсковой части НКВ №-1451 (Дюков).-

«8» сентября 1935 года.
гор.Проскуров.

По нашему скромному мнению, не мешало бы у входа в баню повесить такой хотя бы плакатик:
«Гражданам с вчерашней мыльной пеной доступ в парную без очереди».

Т О Ж Е С А М О Е — Н А Б И С

Собирателям чашечек и вилок с розовыми гербами и надписями рекомендуем обогатить свои коллекции еще одним редчайшим экземпляром: ложками из столовой Красновосточного завода в Ташкенте. Ложки поражают не столько своим изяществом, сколько задушевной надписью, выштампованной на них:

„Урал с Красновосточного завода“.

Мудрые хозяйственники Красновосточного завода полагают, что если кто-нибудь и скрадет у них ложку, то только для того, чтобы читать по ночам эту трогательную надпись. А каково остальным посетителям хлебать суп такими литературно-уголовными ложками?

ЕЩЕ НОМЕР С МЫЛОМ

Мыло — оно, конечно, скользкое. За ним не уследишь. Учитывая это его качество, завхоз крупнейшего универмага в Новосибирске (универмаг Наркомвнугорга) привязал из предосторожности пригтовленный на умывальнике кусок мы-

ла для мытья рук перед входом в столовую веревкой к крану.

Мыло, конечно, сохранилось. Как таковое и как показательный пример клоунадного истолкования принципа экономии.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

К Р О К О Д И Л

ПЕРЕЕХАЛА В НОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ:

ул. „ПРАВДЫ“, Д. № 8, 5-й этаж

ТЕЛ. Д-3-05-46; Д-3-05-47

Прием посетителей ежедневно

от 1 час. до 5 час. дня

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Милый Крокодил!

Научи меня, пожалуйста, расставлять зубы в порядке живой очереди. У нас в Ногинской поликлинике существует правило, что у больного можно лечить только один зуб. Если у тебя болят два зуба, то на другой нужно снова записываться к врачу и дожидаться приема. А если вдруг заболят сразу десять зубов? Тогда просто разбивай палатку, раскладывай костер и живи около поликлиники. И скучно это и неудобно. Помоги, чем можешь.

А. ГОЛОВИН

Ногинск.

Товарищ Крокодил!

У нас в Киеве достаточное количество детских образцовых магазинов, и ни в одном из них нет самой обыкновенной, необразцовой детской клеенки. Хотела бы увидеть на твоих страницах соответствующие выходы, а в киевских детских магазинах — детскую клеенку.

Г. ЗИНКОВСКАЯ

Киев.

Уважаемый Крокодил!

Вдова я. И получаю пенсию. Вот прихожу я в почтовое отделение на руднике Кизил-Кия и говорю: выдайте пенсию. У нас пенсию на почте не выдают. А мне говорят: страхкасса на имя твоего мужа пенсию выписала. Пусть, мол, сам придет или доверенность выдаст. А какая же доверенность от покойника, если он покойник. Просила, просила, справку о смерти мужа представила, на почте только свое долбят: принеси от мужа доверенность. Что же делать-то?

По просьбе потерпевшей написал

Д. ХОХРИКОВ

Кизил-Кия, Киргизия.

Милый Крокодил!

У нас в Тавдинской школе № 11 решили озеленить 6-й класс и сказали нам: принесите каждый по цветку и поставьте у себя на парте. Мы принесли и поставили. Кто фикус принес, кто герань, кто еще что. А теперь очень неудобно. Сидишь за фикусом, и тебя не видно, и учителя не видишь. Мелькает

где-то среди зелени. Я знаю, что озеленение очень полезно и красиво, но нельзя ли нас немножко раззеленить, чтобы было удобнее заниматься?

И. ПАПОРОТНИКОВ

Ст. Тавда,

Омской области.

Дорогой Крокодил!

У нас еще не настало время, когда студенты будут приезжать на лекции в автомобилях. Но на велосипедах приезжают уже довольно многие. Казалось бы, что это никак нельзя считать преступлением. Однако ректор Саратовской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы запретил — и еще в порядке письменного распоряжения — швейцарам принимать от студентов велосипеды на хранение. Положение у нас теперь такое: или ходи пешком, или прямо

везжай на велосипеде в аудиторию, или оставайся во дворе охранять велосипед и узнавать от товарищей, что было в лабораториях и на лекциях. Помоги нам в этом маленьком деле и дай нам возможность одержать победу на велофронте.

Студенты: ЧЕПРАСОВ,
ГОРОДОВИЧ,
КОРОБКОВ

Саратов.

Дорогой Крокодил!

Надо бы горчичники, которые продаются в аптеках, проверять, что ли. Со мной уже третий раз такой случай. Простудился я, купил в аптеке два горчичника, приложил их к пяткам и лег в постель. Полчаса лежу, час лежу — хоть бы что. Не действуют горчичники, точно я почтовую бумагу к пяткам приложил. Обидно стало. Встал я с кровати, натянул носки, чтобы горчичники не отпали, и стал гулять по комнате. Полчаса гуляю, час гуляю — ничего. Тут знакомые пришли. Только я разговорился о театрах и киносеансах, как вдруг чувствую и понимаю: пятки жечь начало. Ну хоть раздевайся при гостях. Как же это может быть, чтобы горчичник действовал через четыре часа, а до этого лежал как мертвый. Тут явный медицинский беспорядок.

Н. РЫБАЛТОВСКИЙ

Ленинград.

Дорогой Крокодил!

Конечно, при зажиточной жизни нечего экономить на куске сахара. Это — одно. Но вот в Оренбурге в продуктивном магазине № 1 сахар продают только целыми головками. Хочешь — не хочешь, а покупай сразу целую голову. На что это похоже? У нас вот и мясная проблема благополучно разрешается: это, значит, когда придешь купить полкило мяса для супа, так тебе целого быка ввернут?

П. ВЕРЕЩАГИН

Оренбург.

Рис. А. Топикова

У ковра — покупатель.

СТРАДАНИЯ ДЖЕКА

Рис. М. Черемных

— Всемирно известный дрессировщик Джилли со своей ученой собакой Джек! Два—Джилли—два!—объявил шпехштаймейстер.— Научно показательный номер Демонстрируется специально для учащихся и педагогов вашего города!

Симфонический оркестр провинциального цирка-шапито в составе двух скрипок и баяна бодро заиграл вальс «Дунайские волны». На арену выбежали человек лет сорока пяти в брюках гольф цвета кофе «Здоровье» и с ним пятнистая собачка на кривых ножках.

— Дорогой публик!—сказал владелец собачки, сделав такое лицо, как будто он кушал варенье.—Мой любимый пес Джек—очень ученый собач. Он умеет считать арифметик и показывать географий. Сначала вы увидите сложений, вычитаний, умножений и делений. Это показательный программ для первых групп трудовой школы.

— Классов!—крикнул кто-то из публики.— Теперь группов нет!..

Джилли подозрительно поглядел на крикуна, но ничего не ответил.

Началась подготовка к номеру. На арену вытащили старый ковер. На нем разложили большую карту полушарий. Затем собачка поджала хвост и пискнула.

— Ну, дорогой Джек, отвечай нам: сколько будет, если три помножить на три?

Собака поглядела на хозяина и затыкала. Публика, не дыша, считала. Пролаяв семь раз, пес довольно уселся на несок и застучал хвостом. Публика засмеялась.

— Bravo!—не замечая подозрительного смеха, зааплодировал дрессировщик.— А теперь, Джек, скажи нам, сколько получится, если двенадцать поделить на четыре?

Ученая-собака бодро ответила двукратным лаем.

— Три, а не два!.. Считать не умеет!..—закричали из публики.

— То есть, как три?! Мой собака знает, что лает!—оскорбленно сказал Джилли.—Ну, сколько будет, если два помножить на четыре?

Джек посмотрел на хозяина и твякнул пять раз.

— Безобразие!..—закричали из первого ряда.— Шляпа!..

Сзади застучали ногами и засвистели.

Дрессировщик сначала возмутился, хотел что-то сказать, даже рванулся вперед, но потом, видно, решил иначе и, подняв руку, провозгласил:

— Уважаемый публик! Мой Джек будет сейчас показывать географий. А ну-ка, собака, покажи нам, где Абиссиния?

Оркестр энергично подхватил польку. Собака понюхала ковер и, побежав к карте, ткнулась носом сперва в восточное полушарие, а потом в западное и здесь против какой-то надписи победно залаяла.

— Bravo, крикнул Джилли, искоса поглядывая на публику.—Покажи дальше, где Франция?

Твякнув, Джек задраил хвост, понесся туда,

5—ПОДХАЛИМОВ—5

где обычно рисуется Северная Америка, и тут облизал языком участок, который по всем правилам должен был отображать Канаду.

— Деньги назад! Шарлатанство!—дonesлось из зала. На арену полетели шелуха от орехов и комки мятой бумаги.

— Это что ж, Егор Никифорович, вы мне с вашей дворняжкой скагцалы устраиваете?—зло прошипел шталмейстер.

— Жулики!—кричали с галерки.

— А вы не орите!—неожиданно на чисто русском языке крикнул иностранный дрессировщик Джилли.— Не верно, не верно!.. Если сами хорошо знаете,—ничего было в цирк ходить!

— Ну ладно, ладно, сейчас разберемся,—еще злее прошипел шталмейстер и, подпихивая дрессировщика к выходу за кулисы, крикнул:

— Антракт пятнадцать минут!

На следующий вечер ученая собака Джек мокла под дождем у дверей пивной в ожида-

нии хозяина. А за столиком сидел Джилли и, допивая девятую кружку венского пива, пьяно жаловался случайному соседу по столику:

— Абиссиния... трижды восемь... Франция... Сами они жулики! Я в гимназиях и университетах не обучался...

Он чокнулся и продолжал, размахивая кружкой:

— Я за кого страдаю? Я за Геокартпром и за Учпедгиз страдаю! А почему? Листа с опечатками не заметил! С о-пе-чат-ка-ми! Понятно?.. Нет, ты скажи, почему они таблицу умножения в учебнике правильно отпечатать не могут?! Молчишь! Им опечатки, а бедная собака—отвечай! Вот кто виноват!—и иностранец Спиридон Джилли с гневной горечью потребовал десятую кружку пива.

На улице печально залаяла ученая собака Джек.

А. ЧЕРНЯК

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 8. Тел. Д 3-05-46; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 1047

Сдача текста и рисунков 29/X—35 г.

Подп. к печати 13/XI—35 г.

Статформат 72×108. 1/16 л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлита Б—8991

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8

Заказ № 2379

Тираж 350 000

8 АПР 1935

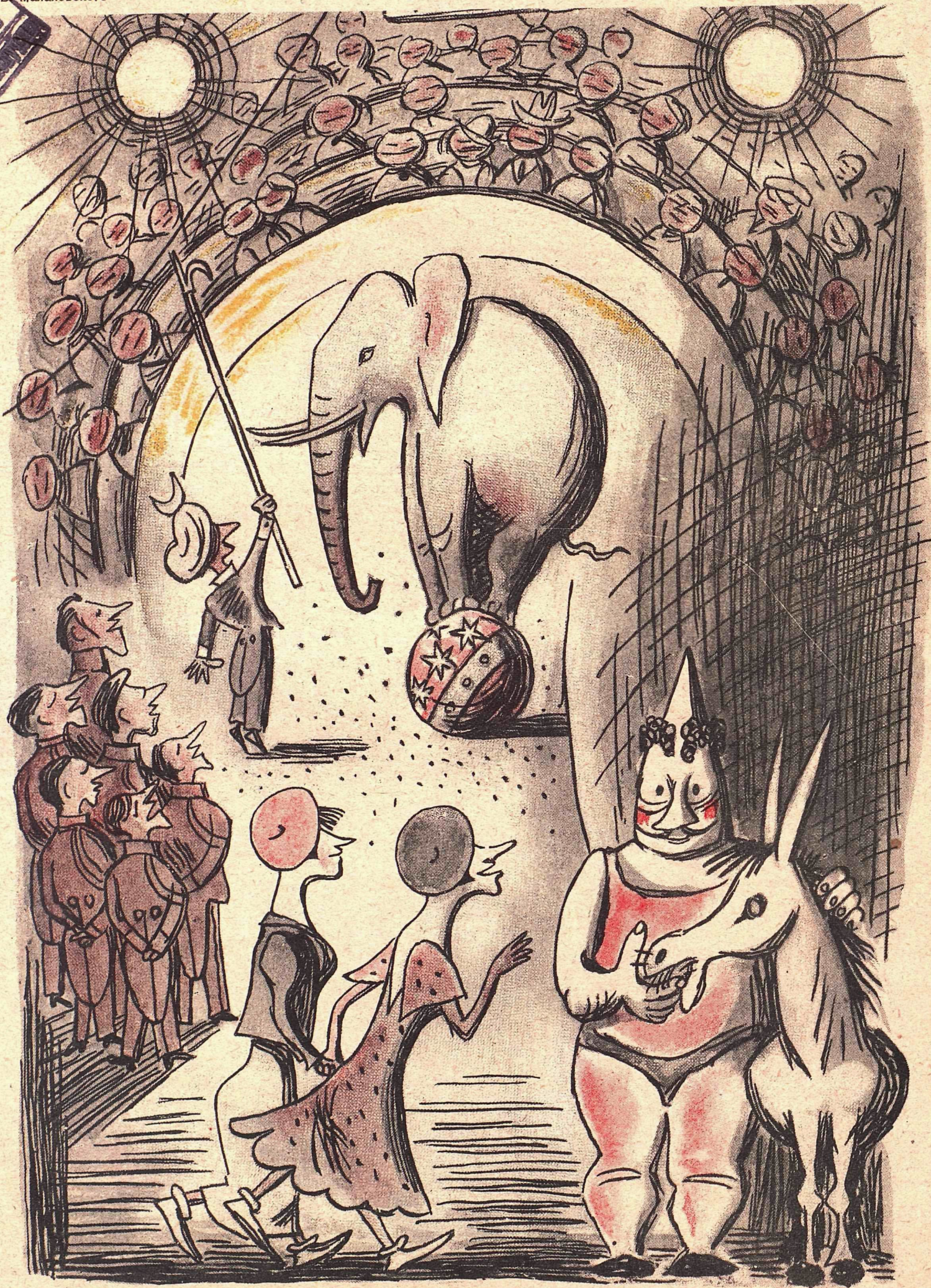
№ 8139

ФАКТИЧЕСКОЕ ОПРОВЕРЖЕНИЕ

50

ВЫСТАВ. ЭНЕР. МАШИНЫ
8 НОЯ. 1935
В.И.Л. ПИЛ. МАШИНЫ

ис. Б. Малаховского

- Скажите, а слон действительно может хоботом поднять двадцать пфеннигов?
- Нет.
- Почему?
- Как почему? Кто же теперь даст слону двадцать пфеннигов?